

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

ТРЕВОЖНЫЕ ЛЮДИ

Фредрик Бакман
Тревожные люди

*Эта книга посвящается моим самым
странным друзьям – голосам у меня в
голове.*

*И моей жене, которая со всеми нами
живет.*

Fredrik Backman
FOLK MED ÅNGEST

© Fredrik Backman, 2019

Published in the Russian language by arrangement with *Salomonsson
Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2020.

* * *

С одной стороны, это уморительно смешная комедия. С другой – история о людях, которые страдают и не знают, что делать со своей болью... Бакман словно говорит читателю: не тебе одному, приятель, пришлось в жизни несладко.

Svenska Dagbladet

Это история о природе человека, об отношениях между людьми, о человеческой доброте... рассказанная «бакмановской прозой» – такой необычной, изящной и трогательной.

Canadian Living

Бакман относится к людским изъянам с пониманием и сочувствием. Он снова напоминает нам, что человек всегда лучше, чем сумма его недостатков.

BookPage

Глава 1

Ограбление банка. Захват заложников. Выстрел. На лестничной клетке – толпа полицейских, которые собираются брать штурмом квартиру. На месте заложников мог оказаться кто угодно, это гораздо проще, чем можно подумать. Все, что для этого нужно, – одна по-настоящему плохая идея.

Это история обо всем на свете, но главным образом – об идиотах. Идиотом, скажем прямо, можно назвать любого, вот только не стоит забывать: быть человеком – дело вообще трудное до безумия. Особенно если рядом с тобой люди, перед которыми ты пытаешься выглядеть хорошим.

В наше время человеку то и дело приходится отвечать самым разным ожиданиям. Нужно иметь работу, крышу над головой, платить налоги, следить за тем, чтобы на тебе всегда были чистые трусы, помнить пароль от своего чертова вайфая. Многим из нас так никогда и не удастся упорядочить этот хаос, а жизнь идет своим чередом, земля вращается в космосе со скоростью два миллиона километров в час, и мы трясемся на ней от страха, словно потерявшие носки. Сердце становится как мокрое мыло – стоит на секунду расслабиться, и оно вылетает из рук, несется вперед, влюбляется и разбивается на куски. С этим ничего не поделаешь. Мы учимся притворяться, постоянно, на работе, в семье, с детьми и во всем остальном. Мы притворяемся образованными, нормальными, понимающими выражения «процентные ставки по кредитам» и «темпы инфляции». Делаем вид, что знаем толк в сексе. На самом деле с сексом у нас примерно такие же отношения, как с USB-разъемом, в который попадаешь примерно с четвертой попытки. (Не входит; другим концом; опять не так; ну, НАКОНЕЦ-ТО!) Мы строим из себя хороших родителей, но в действительности способны лишь обеспечить детям еду, одежду и отчитать их за то, что они жуют

найденную на полу жвачку. Когда-то мы попробовали держать в аквариуме экзотических рыбок – так они все сдохли. В сущности, мы знаем о детях не больше, чем об аквариумных рыбках, и ответственность за их жизни приводит нас в ужас каждое утро. У нас нет никакого плана, мы пытаемся хоть как-то пережить этот день, потому что завтра наступит новый.

Иногда нам становится больно, невыносимо больно, потому что мы чувствуем себя чужими в собственной коже. Мы впадаем в панику при мысли о неоплаченных счетах, о том, что взрослые – это мы; а мы до сих пор не научились ими быть, поскольку попытку быть взрослым ничего не стоит провалить.

Потому что все мы кого-то любим, а тот, кто любит, пережил много бессонных ночей, раздумывая, где взять силы, чтобы остаться человеком. Иногда для этого мы совершаем поступки, которые впоследствии кажутся нам странными и непонятными, но в тот момент представляются единственным выходом.

Одна-единственная плохая, по-настоящему плохая идея. Вот и все, что нужно.

К примеру, однажды утром человек тридцати девяти лет выходит из дома с пистолетом в руке – каким же надо быть идиотом? Но это станет понятно только потом. Все обернулось той самой историей с захватом заложников, хотя человек ничего такого не планировал. Вернее, планы-то были, вот только заложники в них не входили. Человек планировал ограбить банк. Но что-то пошло не так, и все покатило к чертовой матери – при ограблении банков такое случается. Тридцатидевятилетнему человеку пришлось бежать, хотя плана побега у него на тот момент не было, – не зря говорила мама: «Раз башка не варит, шевели ногами», – когда в детстве человек забывал принести из кухни лед и ломтики лимона и вынужден был бежать обратно. (Здесь стоит добавить, что мать нашего грабителя была насквозь проспиртована джином с тоником, и по этой причине, когда она почилла в бозе, кремировать ее не решились, испугавшись

возможного взрыва в крематории.) Так вот, когда после ограбления банка (который так и не удалось ограбить) на место преступления прибыла полиция, грабитель со всех ног бросился на улицу, а затем юркнул в первую попавшуюся дверь. Пожалуй, это недостаточная причина, чтобы назвать его идиотом, но... сами понимаете. Разумным решением это не назовешь. Дверь эта вела в подъезд, а других выходов из подъезда не было, поэтому грабителю не оставалось ничего другого, как побежать по лестнице наверх.

Не будем упускать тот факт, что физические возможности тридцатидевятилетнего грабителя полностью соответствовали этому возрасту. Не как у тех столичных жителей, которые, чтобы справиться с кризисом среднего возраста, покупают модные дорогостоящие велосипедные трико и купальные шапочки, и заполняют черные дыры в душе своими красивыми картинками в Инстаграме. Нет, наш грабитель был не из таких. Он относился к той категории тридцатидевятилетних, которые ежедневно потребляют сыр и глютен в количествах, которые с медицинской точки зрения были не столько диетой, сколько криком о помощи. Так что, добравшись до верхнего этажа, грабитель чувствовал, что все железы его организма работают на пределе, и пыхтел так, будто стоял у порога такого клуба, куда не зайдешь, не назвав в дверное окошко секретный пароль. Шансы спастись были, мягко говоря, ничтожными.

Но, оглянувшись, грабитель обнаружил открытой дверь одной из квартир. Эту квартиру выставили на продажу, и как раз проходил ее показ риелтором. И вот в нее врывается запыхавшийся грабитель с пистолетом на взводе, и начинается пресловутая драма с захватом заложников.

А дальше все как полагается: здание окружает полиция, приезжают журналисты с телеканалов и ведут репортажи с места событий. На все про все уходит несколько часов. Наконец грабитель сдается. А какой еще у него выбор? Восемь заложников – семь

покупателей и один риелтор – выходят на свободу. Через несколько минут полицейские берут квартиру штурмом. Но она пуста.

Куда подевался грабитель, неизвестно.

Собственно говоря, это все, что вам нужно знать на данный момент. А теперь начинаем историю.

Глава 2

Десять лет назад на мосту стоял человек. Впрочем, наша история – не о нем. Так что о нем сейчас постарайтесь не думать. У вас, конечно же, это не получится. Это все равно что сказать «не думайте о печенках» – тогда вам о печенках ни за что не забыть. Так что лучше не думайте о печенках!

Все, что вам нужно знать, – это то, что десять лет назад один человек стоял на мосту. Точнее, на парашюте, высоко над водой, в конце своего жизненного пути. Постарайтесь сейчас о нем не думать. Вспомните что-то приятное.

Думайте о печенках.

Глава 3

Дело было в одном маленьком городке накануне Нового года. В комнате для допросов сидели полицейский и женщина-риелтор: полицейскому на вид лет двадцать, хотя на самом деле, возможно, и больше, а риелтору – лет сорок с хвостиком, хотя, возможно, на самом деле моложе. Полицейскому была маловата его форма, риелтору – великоват ее пиджак. Риелтору явно хотелось находиться где-то в другом месте. Через четверть часа полицейскому тоже захотелось, чтобы риелтор находилась где-то еще. Риелтор нервно улыбнулась и раскрыла рот, чтобы что-то сказать. Полицейский вдохнул и выдохнул так, будто не решил для себя, то ли ему не хватает воздуха, то ли он хочет высморкаться.

– Просто ответьте на мой вопрос, – сказал он.

Энергично кивнув, риелтор выпалила:

– Респект!

– Я просил ответить на мой вопрос! – повторил полицейский с выражением лица, какое бывает у человека, разочаровавшегося в жизни еще в самом детстве и пребывающего в таком состоянии по сей день.

– Вы спросили, как называется агентство, в котором я работаю! – неуклонно продолжала риелтор, барабаня пальцами по столу таким образом, который вызывал у полицейского желание запустить в риелтора каким-нибудь предметом с острыми углами.

– Я не спрашивал, как называется ваше агентство. Я задал вопрос о злоумышленнике, который удерживал вас в заложниках вместе с...

– «Респект», понимаете?! Потому что наши клиенты нуждаются в уважении. С этим не поспоришь. Поэтому, когда мне звонят, я всегда отвечаю: «Добрый день, вы позвонили в агентство недвижимости «Респект»! Мы уважаем ваше решение».

Риелтор только что перенесла серьезную психологическую травму, ей угрожали пистолетом и держали в заложниках, от этого кто

угодно слетит с катушек и будет нести всякую чушь. Полицейский постарался набраться терпения. Он закрыл глаза и надавил большими пальцами на веки с такой силой, словно это были кнопки, которые надо удерживать в нажатом положении десять секунд, чтобы вернуть действительность к заводским настройкам.

– Хорошо... А теперь я задам несколько вопросов о квартире и злоумышленнике, – простонал полицейский.

У него тоже выдался тяжелый день. Участок у них, конечно, маленький, ресурсы – скромные, но компетенция – на самом высоком уровне. Это он сразу после ситуации с захватом заложников тщательно пытался объяснить по телефону начальнику начальника своего начальника. Начальник намеревался направить следственную группу из Стокгольма, чтобы дело передали ей. Начальник делал ударение не на «следственной группе», а на слове «Стокгольм», будто волшебная суперсила может прибыть только из столицы. Да это, черт побери, диагноз, подумал полицейский. Он сильнее надавил на веки. Это последний шанс доказать начальству, что он способен и сам во всем разобраться, но разве с такими свидетелями что-то докажешь?

– Окидоки, – прощепетала риелтор, словно в шведском языке есть такое слово.

Полицейский заглянул в свои записи.

– Странное время вы выбрали для показа. За день до Нового года.

Риелтор усмехнулась, покачав головой:

– Для агентства «Респект» плохих дней не существует.

Полицейский сделал несколько интенсивных вдохов и выдохов.

– Понятно. Продолжим разговор. Какой была ваша первая реакция при виде злоумы...

– Вы же сказали, что сначала будете спрашивать о квартире. Вы так и сказали: «о квартире и злоумышленнике». Вот я и подумала, что сначала...

– Ладно! – прорычал полицейский.

– Ладно! – прощепетала риелтор.

– Поговорим о квартире. Вы хорошо знакомы с ее планировкой?

– Разумеется, я же риелтор! – воскликнула риелтор, поборов желание добавить «...агентства недвижимости «Респект», потому что мы уважаем своих клиентов», поскольку полицейский явно жалел о том, что вычислить по пуле его табельное оружие не составит труда.

– Опишите ее, пожалуйста.

Риелтор просияла:

– Квартира мечты! Уникальная возможность приобрести эксклюзивное жилье в спокойном районе, но вместе с тем неподалеку от самого сердца города. Открытая планировка! Оптимальная освещенность!

На этой фразе полицейский ее перебил:

– Я имею в виду, есть ли в квартире чулан, подсобные помещения, которые не бросаются в глаза, – что-то в этом роде...

– Вам не нравится открытая планировка? Вам нравятся стены? Что ж, в этом нет ничего плохого! – попыталась подбодрить его риелтор, хотя в ее голосе слышалось разочарование: стены любят только крайне ограниченные люди.

– Может быть, в квартире есть гардеробы, которые не...

– А я уже говорила про освещенность?

– Да.

– Исследования подтверждают, что свет делает человека счастливее! Вам это известно?

Полицейскому явно не хотелось, чтобы его счастье зависело от освещенности. Некоторые предпочитают сами определять меру счастья в собственной жизни.

– Давайте по существу.

– Окидоки!

– Есть ли в квартире скрытые помещения, не обозначенные в плане?

– А район просто создан для семьи с ребенком!

– Какое отношение это имеет к делу?

– Я просто хотела добавить штрих к картине. Респект во всем. Это место – просто рай для детей! Впрочем, конечно... если не считать сегодняшнего происшествия. Так вот, не считая этого: район приспособлен для жизни с детьми! А дети, они такие, сами знаете, они обожают полицейские автомобили!

Риелтор задорно взмахнула рукой и изобразила голосом полицейскую сирену.

– Больше похоже на мелодию из фургона с мороженым.

– Ну, вы меня поняли.

– Я бы попросил вас просто отвечать на вопросы.

– Извините. Так о чем это мы?

– Каков точный размер квартиры?

Риелтор растерянно улыбнулась:

– А вы разве не хотите спросить о грабителе? Я думала, мы поговорим про ограбление.

Полицейский напрягся так, словно мог дышать только ногтями на пальцах ног.

– Да-да. Конечно. Расскажите о злоумышленнике. Какова была ваша первая реакция на...

Риелтор рьяно перебила:

– Грабитель? Точно! Он ворвался в квартиру прямо посреди показа и стал целиться в нас пистолетом! Знаете почему?

– Нет.

– Открытая планировка! Иначе он не смог бы целиться во всех одновременно!

Полицейский помассировал брови.

– Хорошо, давайте попробуем так: есть ли в квартире места, где можно спрятаться?

Риелтор заморгала так медленно, будто только что научилась это делать, и отработывала новый навык.

– Места, где можно спрятаться?

Запрокинув голову, полицейский решительно уставился в потолок. Говорила ему мама, что полицейские – это мальчики, которые так и

не смогли придумать себе новые мечты. Всех мальчиков в детстве спрашивают: «Кем ты хочешь стать?» – и в какой-то момент почти все отвечают: «Полицейским!» – хотя у большинства из них позднее появляются более интересные планы. На мгновение ему захотелось, чтобы подобные планы в свое время тоже созрели в его голове – возможно, тогда его жизнь стала бы проще, может быть, он даже обзавелся семьей. Надо сказать, мама всегда им гордилась, она никогда не критиковала его выбор. Мама была пастором и понимала, что не все профессии – только способ зарабатывать деньги. А вот папа всегда был против того, чтобы сын носил форму. Похоже, это до сих пор тяжелым грузом лежало на сердце молодого полицейского; он поднял усталый взгляд на риелтора:

– Да. Именно это я и хотел сказать. Мы предполагаем, что злоумышленник остался в квартире.

Глава 4

А дело было так. Грабитель согласился отпустить заложников – и риелтора, и покупателей. Когда они выходили, на лестнице стоял полицейский. Дверь за заложниками захлопнулась, и те со спокойной душой двинулись вниз по лестнице и вышли на улицу, где их ждали полицейские автомобили. Дежуривший у двери полицейский дождался, пока наверх поднимутся его коллеги. Переговорщик позвонил грабителю. После чего полицейские взломали дверь и обнаружили, что квартира пуста. Дверь на балкон и все окна оказались закрыты, а других путей к отступлению не было.

И тут, блин, не надо приезжать аж из самого Стокгольма, чтобы сообразить: либо злоумышленнику помог скрыться кто-то из заложников, либо он остался в квартире.

Глава 5

Так вот. Человек стоял на мосту. Теперь вы можете об этом подумать.

Он написал письмо и отправил его по почте, отвел детей в школу, забрался на парапет и стоял там, глядя вниз. Спустя десять лет незадачливый грабитель возьмет восьмерых человек в заложники во время показа квартиры. С парапета был виден балкон той самой квартиры.

Все это, понятное дело, не имеет к вам никакого отношения. Но тут такой момент. Ведь вы – обычный, хороший человек. Вот что бы вы сделали, увидев человека, стоящего на парапете? Подобрать нужные слова тут очень трудно, с этим не поспоришь. Но вы бы постарались любой ценой удержать его от прыжка. Пусть вы о нем ничего не знаете, но где-то глубоко, на уровне инстинкта в нас заложено стремление предотвратить попытку самоубийства.

Вы попытались бы заговорить с ним, завоевать его доверие, не позволить ему спрыгнуть. Ведь и у вас в глубине души живет тревога, и у вас случались дни, когда боль поселялась в таком месте, которое не увидишь на рентгене, и у вас не хватало слов объяснить это людям, которые вас любят. Где-то внутри, где хранятся сокровенные воспоминания, в которых мы не решаемся признаться самим себе, мы знаем, что от человека, стоящего на мосту, нас отделяет лишь тонкая грань. У большинства из нас бывали черные дни, и даже по-настоящему счастливые люди, сами понимаете, не каждую минуту своей жизни настолько безумно счастливы. Вот почему вы бы попытались спасти человека, стоящего на мосту. Жизнь может оборваться нечаянно, но прыгнуть с моста – это сознательный выбор. Для этого надо забраться наверх и сделать

один шаг вперед.

Вы хороший человек. Вы не пройдете мимо.

Глава 6

Молодой полицейский потрогал шишку на лбу величиной с детский кулак.

– Где это вы так приложились? – спросила риелтор. По всему было видно, что она едва удержалась, чтобы не добавить что-нибудь про респект.

– Ударился, – буркнул полицейский и, посмотрев в свои бумаги, продолжил: – Как вам показалось – злоумышленник имеет навыки обращения с оружием?

Риелтор удивленно улыбнулась:

– Вы имеете в виду... пистолет?

– Да. Он волновался – или было заметно, что он держит пистолет в руках не впервые?

Полицейский задал этот вопрос, чтобы понять, не был ли преступник бывшим военным. Но в ответ риелтор, сияя улыбкой, ответила:

– Что вы, что вы, пистолет был игрушечный!

Полицейский, прищурившись, посмотрел на риелтора: она шутит или правда настолько наивна?

– Почему вы так решили?

– Да всем было видно, что это просто игрушка, разве нет?

Полицейский молча уставился на риелтора. Она не шутила. В его глазах мелькнуло что-то вроде симпатии.

– То есть вы... даже не испугались?

Риелтор помотала головой:

– Нет-нет-нет! Сами понимаете, чего тут бояться. Грабитель не нанес бы нам никакого вреда!

Полицейский углубился в свои бумаги. Он понял, что риелтор – святая простота.

– Воды? – сочувственно предложил он.

– Нет, спасибо. Вы уже предлагали, – беззаботно прощбетала агент.

Полицейский все же решил принести ей воды.

Глава 7

Дело в том, что никто из заложников не знал, что произошло после того, как их выпустили, и до того, как полицейские взяли квартиру штурмом. Заложники сели в полицейские машины, и их повезли в участок, а полицейские тем временем собрались на лестничной клетке возле квартиры. Затем специальный переговорщик, назначенный стокгольмским начальником местного начальника, – потому что стокгольмцы полагают, будто по телефону никто, кроме них, разговаривать не умеет, – позвонил грабителю в надежде, что тот добровольно сложит оружие и выйдет из квартиры. Но грабитель не ответил. Когда полицейские взломали дверь, было уже поздно. Войдя в гостиную, они наступили в лужу крови.

Глава 8

На кухне в полицейском участке молодой полицейский встретил старого. Молодой налил себе воды, старый пил кофе. Отношения у них были сложные, как это часто бывает между полицейскими разных поколений. В конце своей карьеры человек стремится к смыслу, а в начале – к цели.

– Здравсте, – крикнул старый.

– Привет, – огрызнулся молодой.

– Предложил бы я тебе кофе, да ты небось по-прежнему не любитель? – Старый хмыкнул с таким видом, будто нелюбовь к кофе делала человека ущербным.

– Не любитель, – ответил молодой с таким видом, будто ему предложили отведать человечинки.

Старый и молодой кардинально расходились в вопросах еды и питья, как, впрочем, и во всех остальных вопросах, что было причиной постоянных раздоров, когда они патрулировали город в полицейской машине и наступал обеденный перерыв. Старый обожал сосиски с порошковым пюре, купленные на заправке, а когда они вместе с молодым ходили в местный ресторанчик и заказывали шведский стол, то вырывал свою пустую тарелку из рук официанта с криком: «Я еще не доел! Это ведь шведский стол! Как доем, сам увидишь – лягу под стол и свернусь клубочком!» Любимым блюдом молодого полицейского было – выражаясь языком старого – «всякая хрень, вроде водорослей, морской капусты и сырой рыбы – он, видать, вообразил себя раком-отшельником». Один любил кофе, другой – чай. Один смотрел на часы в ожидании обеда, другой – конца обеденного перерыва. Старший считал, что для полицейского главное – поступать по совести, младший – вести себя корректно.

– Уверен? Могу сделать тебе это чертово фраппучино, или как там его. Я даже купил специально соевое молоко, вот только вопрос,

кого они для этого доили! – Старший раскатисто захохотал, при этом искоса с беспокойством поглядывая на молодого.

– Мм, – ответил молодой, пропустив саркастическое замечание мимо ушей.

– А как поговорили с чокнутой риелторшей? – бросил старший таким тоном, будто просто сострил, а тема его ничуть не волнует.

– Прекрасно! – заверил его молодой с плохо скрываемым раздражением и двинулся к двери.

– Ты сам-то как? – спросил старший.

– Я в полном порядке! – простонал молодой.

– Точно?

– Точно!

– А это что? – старый посмотрел на лоб молодого.

– Все в порядке. Ну все, мне пора.

– Ну да, ну да. Может, помочь тебе с допросом той чокнутой тетки? – Старый выдавил улыбку, сиюсь отвести озабоченный взгляд от ботинок молодого.

– Сам справлюсь.

– А то смотри, я готов помочь.

– Спасибо, не надо!

– Уверен? – крикнул старый вслед молодому. Но ответом была тишина.

Старый полицейский стоял на кухне один и допивал свой кофе. Когда ты старый, то не знаешь, как объяснить молодому, что ты за него волнуешься. Трудно подобрать слова, если все, что ты хочешь сказать, уместается в одной фразе: «Я вижу, что тебе больно».

На полу, где стоял молодой полицейский, остались красные пятна. У человека подошвы до сих пор в крови, а он даже не замечает. Старый полицейский отжал тряпку и осторожно протер пол. Руки его дрожали. А может, молодой не соврал? Может, у него и правда все в порядке? А вот у старого-то нет.

Глава 9

Молодой полицейский вернулся в допросную и поставил на стол стакан воды. Глядя на него, риелтор подумала, что полицейский из тех людей, которые открывают пиво коробочкой снюса. Разумеется, без осуждения, нет-нет, это совершенно нормально.

– Спасибо, – сказала она неуверенно, обращаясь к стакану, о котором не просила.

– Должен задать вам еще несколько вопросов, – извиняющимся тоном сказал полицейский и достал помятую бумагу, похожую на детский рисунок.

Риелтор кивнула, но не успела она раскрыть рот, как дверь осторожно открылась и в комнату вошел старый полицейский. Риелтор про себя отметила, что для такого роста руки у него длинноваты, и если он сейчас прольет кофе, то максимум обожжет голени.

– Здравствуйте, здравствуйте! Я к вашим услугам... – проговорил старый полицейский.

Молодой закатил глаза к потолку.

– Я же говорил, спасибо, помощь не требуется. Все под контролем.

– Ну да, ну да. Просто подумал, что могу быть полезным, – закивал старый.

– Нет, нет, какого ч... спасибо, не надо! Ты, видно, забыл про профессиональную этику! Нельзя врываться в кабинет посреди допроса! – прошипел молодой.

– Да, конечно, прошу прощения, просто хотел спросить, как далеко вы продвинулись, – смущенно прошептал старый, не в силах больше скрывать, что заботится о молодом.

– Я как раз собирался спросить о рисунке, – огрызнулся молодой таким тоном, будто родители учуяли от него табачный дух, а он отпирается и сваливает все на товарища.

– Спросить кого? – поинтересовался старый.

– Риелтора! – взорвался молодой, тыча в риелтора пальцем.

Эта неосторожная фраза дала риелтору повод отрекомендоваться. Она тотчас вскочила со стула и выкинула вперед кулак:

– Да-да, меня! Я представляю агентство недвижимости «Респект»!

Риелтор с торжествующим видом выдержала эффектную паузу, невероятно довольная своим выпадом.

– О господи, только не это... – вздохнул молодой, пока риелтор набирала воздуха, чтобы продолжить:

– Мой вам респект!

Старый вопросительно посмотрел на молодого.

– Не обращай внимания, это повторяется каждые пять минут, – сообщил молодой, массируя брови.

Старый полицейский, прищурившись, посмотрел на риелтора. Он привык смотреть так на странных людей, и от этой привычки кожа у него под глазами со временем оплыла, как подтаявшее мороженое. Риелтор, которая, судя по всему, решила, что ее не услышали, пояснила:

– Понимаете? Агентство недвижимости «Респект». С респектом к своим клиентам. Все просто!

Старый полицейский все понял и даже уважительно посмотрел на риелтора, но молодой снова ткнул пальцем в ее сторону и помахал рукой, изображая поступательные движения вверх-вниз.

– Сидеть! – сказал он тоном, каким обращаются к детям, собакам и непослушным риелторам.

Улыбка сбежала с лица риелтора. Женщина неуклюже приземлилась на стул и перевела взгляд с молодого на старого.

– Извините. Я первый раз на допросе. Вы же не будете... ну, вы знаете... как в фильмах бывает: плохой коп и хороший коп? Один типа вышел из кабинета, чтобы налить кофе, а другой тем временем стал бить меня телефонным справочником с криком: «Где ты спрятала тело?!»

Риелтор нервно хохотнула. Старый полицейский улыбнулся, но молодой сидел с мрачным видом, и риелтор взволнованно продолжила:

– Да ладно, я пошутила. Сейчас и справочников телефонных нет! Что делать будете? Пытать меня планшетом?

Риелтор замахала руками, изображая, как ее пытаются, и выкрикивая воображаемые реплики полицейских:

– Ах ты, черт, я случайно лайкнул фотку моей бывшей в инсте! Сброс! Отмена!

Молодой полицейский сидел с каменным лицом, чем несколько напряг риелтора. Старый тем временем заглянул в листочек с его пометками и спросил так, будто риелтора в комнате не было:

– И что она говорит про рисунок?

– Я не успел спросить, потому что пришел ты! – отрезал молодой.

– А что за рисунок? – спросила риелтор.

– Так вот что я хотел сказать, прежде чем меня перебили. Мы нашли этот рисунок на лестнице и решили, что, возможно, его обронил преступник. Мы хотели бы, чтобы вы... – начал молодой, но старший его перебил:

– Ты про пистолет ее спрашивал?

– Хватит вмешиваться! – гаркнул молодой.

После чего старый развел руками и пробормотал:

– Молчу, молчу, извините, что я вообще есть.

– Да он был ненастоящий! Я про пистолет. Это была игрушка! – встряла риелтор.

Старый полицейский удивленно перевел взгляд с агента на молодого полицейского, а затем прошептал голосом, какой только мужчина определенного возраста может счесть за шепот:

– Ты что... не сказал ей?

– Не сказал что? – спросила риелтор.

Молодой вздохнул и сложил рисунок так тщательно, как хотел бы сложить физиономию своего старшего коллеги.

– Мы подошли к этому разговору... Понимаете, когда злоумышленник выпустил вас и других заложников и мы привезли вас в полицейский участок...

Старый полицейский тотчас пришел на помощь:

– Злоумышленник, в смысле – грабитель! Он застрелился!

Молодой полицейский крепко сцепил руки, чтобы не удушить старого на месте. Он что-то сказал, но риелтор его не услышала: ее барабанные перепонки сотрясал монотонный звон, перерастающий в грохот; она была в шоке. Позднее она будет рассказывать, что в окно лупил дождь, хотя в помещении для допросов окон нет. Риелтор с отвисшей челюстью уставилась на полицейских.

– Значит... пистолет был?.. – выдавила она.

– Пистолет был настоящий, – подтвердил старый полицейский.

– Я... – сказала риелтор, но у нее пересохло в горле.

– Воды? – услужливо предложил старый полицейский, как будто это он ходил за стаканом.

– Спасибо... я... но раз пистолет был настоящим, значит, мы все могли... погибнуть?! – прошептала риелтор и сделала глоток, задним числом впадая в ужас. Старый полицейский кивнул со значительным видом, взял листочек с заметками молодого и начал там что-то писать.

– Может, начнем с начала? – утвердительно спросил старый полицейский, после чего молодой, выдержав небольшую паузу, вышел в коридор и стал биться лбом об стенку.

Дверь хлопнула так, что старый полицейский подскочил на месте. Трудно подобрать правильные слова, если ты уже старый и все, что ты хочешь сказать, – это: «Я чувствую твою боль, и мне от этого больно». Под стулом, на котором сидел молодой полицейский, остались пятна спекшейся крови. Старый удрученно посмотрел туда. Именно по этой причине он и не хотел, чтобы его сын стал полицейским.

Глава 10

Первым, кого увидел человек на мосту десять лет назад, был подросток, чей отец хотел, чтобы мальчик мечтал о другой профессии. Мальчик мог бы дождаться, пока кто-то придет на помощь, но как поступили бы на его месте вы? Когда мама пастор, а папа полицейский и ты вырос в полной уверенности, что людям надо помогать, если можешь, и никогда не оставлять человека в беде.

Никогда.

Мальчик выбежал на мост и что-то крикнул мужчине. Тот повернулся. Мальчик не знал, что делать, поэтому просто... заговорил с ним. Попытался вызвать доверие. Попробовал уговорить его сделать два шага назад, а не шаг вперед. Ветер легонько трепал их куртки, моросил дождь, в воздухе висело предчувствие зимы. Мальчик пытался найти слова о том, что нужно жить, даже если кажется, что все кончено.

У человека на мосту было двое детей – об этом он сказал мальчику. Возможно, тот напомнил ему кого-то из них. Мальчик в панике выговаривал по слогам: «Не надо прыгать, пожалуйста!»

Человек на мосту посмотрел на него спокойно, почти сочувственно, и сказал: «Знаешь, что самое паршивое, когда ты родитель? О тебе всегда судят по худшим твоим проявлениям. Ты можешь все делать правильно, но достаточно одной-единственной осечки, и ты навсегда останешься тем отцом в парке, который смотрел в телефон, когда ребенку прилетело по лбу качелями. Мы сутки напролет не спускаем с них глаз, но стоит отвлечься на сообщение в телефоне, и все лучшее мгновенно обесценивается. Люди ходят к психотерапевту не для того, чтобы обсуждать, как в

детстве им не прилетело качелями по лбу. О родителях судят по их ошибкам».

Подросток не понял, о чем говорил человек на мосту. Руки его дрожали, когда он опустил взгляд и увидел внизу смерть. Человек слегка улыбнулся и сделал полшага назад. Мир сжался до одной-единственной точки.

Затем человек рассказал, что у него была хорошая работа, он открыл довольно успешное предприятие, купил неплохую квартиру. Вложил все свои сбережения в акции предприятия, занимавшегося недвижимостью, чтобы его дети получили работу получше, чем была у него, и купили квартиры попросторнее, и не ложились бы спать в изнеможении, считая гроши с калькулятором в руках. Потому что родители должны подставлять плечо. Сидя на плечах у родителей, маленькие дети открывают для себя мир. Когда они подрастают, то, стоя на плечах у родителей, они могут дотянуться до облаков. Они могут уткнуться в плечо, если стоят перед выбором и сомневаются. Они верят нам, и это непосильная ответственность, ведь они не понимают, что мы сами ничего не знаем об этом мире. Поэтому человек на мосту так и сделал: притворился, что что-то знает. Знает, почему кашки коричневые, что происходит после смерти и почему белые медведи не едят пингвинов. Дети выросли. Иногда он на мгновение забывал об этом и пытался взять их за руки. Господи, как они этого стыдились. Он тоже. Трудно объяснить двенадцатилетнему человеку, что, когда он был маленьким и ты шел слишком быстро, а он догонял тебя и брал за руку, это были счастливейшие моменты твоей жизни. Его мягкие пальчики в твоей ладони. Он пока что не знал, что ты лузер.

Человек на мосту притворялся – во всем. Финансовые эксперты пообещали, что акции этого предприятия – надежное капиталовложение, ведь все знают, что недвижимость не падает в цене. И все же она упала.

Случился финансовый кризис, банк в Нью-Йорке обанкротился, а человек в маленьком городке на другом конце потерял все, что

имел. После беседы со своим адвокатом в окне своего офиса он увидел мост. Дело было рано утром, было необычайно тепло для того времени года, но моросил дождь. Человек как ни в чем не бывало отвез в школу детей. Сделал вид, что все в порядке. Шепнул им на ухо «люблю», и сердце его разрывалось, когда они закатывали глаза. Затем он поехал к реке. Припарковался в запрещенном месте, оставив ключ зажигания в замке, вышел на мост и забрался на парапет.

Все это он рассказал подростку, и тот понял, что теперь все наладится. Потому что, если человек на мосту тратит время на то, чтобы рассказать незнакомому мальчику о том, как любит своих детей, ясно, что прыгать он не собирается.

И тут он прыгнул.

Глава 11

Десять лет спустя молодой полицейский стоял у двери кабинета для допросов. Его отец сидел внутри и допрашивал риелтора. Мама была права: им не надо работать вместе, будут сплошные ссоры. А он ее, как всегда, не послушал. Иногда мама, уставшая или после двух бокалов вина, смотрела на сына и, забывшись, говорила: «Бывают дни, дружок, когда мне кажется, что ты до сих пор стоишь на мосту и пытаешься спасти того человека, хотя это было невозможно ни тогда, ни сейчас». Может, все и так, у него не хватает сил думать об этом. Десять лет спустя его по-прежнему мучает один и тот же ночной кошмар. После Высшей школы полиции, экзаменов, смены за сменой, бессонных ночей, работы в участке, за которую он получил много похвал, но только не от собственного отца; и после новых бессонных ночей и такого количества работы, что он начал ненавидеть свободное время, после утренних променадов на подкашивающихся ногах он возвращался домой к стопке неоплаченных счетов в прихожей, к пустой постели, снотворному, алкоголю. Когда ночью было особенно невыносимо, он отправлялся на пробежку и бежал в темноте миль за милей, в холоде и тишине, все быстрее и быстрее стуча подошвами по асфальту, не имея ни определенного направления, ни цели. Большинство мужчин бегают на манер охотников, а он мчался, как добыча. Вымотанный, он наконец возвращался домой, шел на работу, и все начиналось заново. Иногда, для того чтобы заснуть, хватало пары стаканов виски, а по утрам – холодного душа, чтобы проснуться. В промежутках он делал все, что угодно, лишь бы окунуться в бесчувствие. Слезы застревали где-то в груди, по дороге к горлу и слезным каналам. И всякий раз – тот же кошмар. Ветер, треплющий куртку, скрип подошвы о парапет, мальчишеский крик, разносящийся над водой, в котором не ощущаешь и не узнаешь собственного

голоса. Еле слышный, тонуший в потрясенном сознании, звучащий в ушах до сих пор.

Сегодня он первым вошел в квартиру, после того как оттуда вышли заложники и послышался выстрел. Первым забежал внутрь, ступил на пропитавшийся кровью ковер и распахнул балконную дверь. Постоял там, в отчаянии глядя по ту сторону перил, потому что при всей кажущейся нелогичности его главным опасением и первой мыслью было закричать: «Он тоже прыгнул!» Но внизу ничего не было, только журналисты и любопытные соседи, смотрящие на него в телефоны. Грабитель бесследно исчез, и полицейский в растерянности стоял на балконе. Оттуда был виден тот самый мост. А теперь полицейский стоял в коридоре своего участка, не в силах заставить себя отмыть ботинки от крови.

Глава 12

Воздух с рокотом перекатывался в горле старого полицейского, словно тяжелую мебель двигали по неровному полу. Он дышал носом, и дыхание эхом отдавалось в горле. В определенном возрасте и при определенном весе дыхание тоже становится тяжелее. Старый полицейский смущенно взглянул на агента.

– Понимаете, мой коллега... это мой сын.

– О! – кивнула риелтор, будто бы хотела сказать, что у нее тоже есть дети, а если и нет, то она читала про них в руководстве для риелторов. И что она предпочитает тех, что играют в игрушки натуральной расцветки, потому что она ко всему подходит.

– Моя жена говорила, что нам не надо работать вместе, – признался полицейский.

– Понимаю, – соврала риелтор.

– Она упрекала меня в гиперопеке. Что я как те пингвины, которые высидивают камень вместо яйца, потому что не могут смириться с мыслью, что яйца больше нет. Она считала, что мы не можем защитить своих детей от жизни, потому что от жизни защитить невозможно.

Риелтор снова собралась сделать вид, что все понимает, но вместо этого выпалила:

– Что вы имеете в виду?

Старый полицейский покраснел.

– Я не хотел... н-да, глупо, конечно, все это говорить вам, но я не хотел, чтобы мой сын стал полицейским. Он для этого слишком чувствительный. Слишком... хороший. Понимаете? Десять лет назад он забежал на мост, чтобы отговорить человека, стоящего на парашюте, прыгать. Он сделал все, что мог, ВСЕ, что было в его силах! Но человек все равно прыгнул. Понимаете, каково было сыну после такого? Он... он всегда хотел всех спасти. Я думал, после того случая он расхочет быть полицейским, но вышло наоборот. Он захотел

этого больше, чем когда бы то ни было. Потому что ему необходимо спасти людей. Даже если это преступники.

Риелтор затаила дыхание.

– Вы про грабителя?

Старый полицейский кивнул:

– Да. Когда мы вошли, вся квартира была в крови. Мой сын говорит, что, если мы вовремя его не найдем, он умрет.

Под ресницами старого полицейского пульсировала такая печаль, что риелтор поняла: для него это очень серьезно. Он поскреб ногтями по столешнице и вымученно добавил:

– Хочу напомнить вам: все, что вы говорите на допросе, записывается на диктофон.

– Принято, – заверила риелтор.

– Важно, чтобы вы это понимали. Все, о чем мы говорим, записывается в протокол и может быть прочитано моими коллегами, – настаивал старый полицейский.

– Все могут прочитать. Я вас услышала.

Старый полицейский аккуратно развернул смятый листок, оставленный молодым. Это был рисунок, сделанный либо очень одаренным, либо абсолютно бездарным ребенком – в зависимости от возраста. Рисунок изображал трех животных.

– Вам знаком этот рисунок? Мы нашли его на лестнице.

– Мне очень жаль, – ответила риелтор, и, судя по ее виду, не соврала.

Старый полицейский выдавил подобие улыбки:

– Мои коллеги утверждают, что на рисунке изображены обезьяна, лягушка и лошадь. Но я думаю, что это не лошадь, а жираф. Ведь она без хвоста! А у жирафов хвоста как раз и нет! Да, пожалуй, это самый что ни на есть жираф.

Риелтор набрала в грудь воздуха и сказала то, что обычно женщины говорят мужчинам, которые не понимают, что их недостаточное знание предмета мешает им сделать правильный вывод.

– Вы, безусловно, правы.

Глава 13

На самом деле вовсе не прыгнувший с моста человек побудил мальчика выбрать профессию полицейского. Неделю спустя на том же парашюте стояла девочка-подросток, и полицейским он стал именно благодаря ей. Девочка не прыгнула.

Глава 14

В воздухе просвистела кофейная чашка. Она пролетела над обоими столами, но благодаря неисповедимым законам физики в ней остался почти весь недопитый кофе. Чашка со всей силы ударилась об стену, окрасив ее в цвет капучино.

Полицейские посмотрели друг на друга: один смущенно, другой в ужасе. Старого полицейского звали Джим. Молодого, его сына, звали Джек. Полицейский участок слишком мал для того, чтобы им не встречаться, и в конце концов они, как обычно, оказались по разные стороны одного письменного стола, лишь наполовину прикрытые каждый своим монитором, ведь работа полицейского сегодня всего на одну десятую состоит из собственно полицейской работы, а в остальном – из описания того, как он ее выполняет.

Для поколения Джима компьютеры казались волшебством, а для поколения Джека стали обыденностью. Когда Джим был маленьким, не выпускать ребенка из комнаты считалось наказанием, а сегодня родители не знают, как выманить ребенка из комнаты. Раньше детей не могли угомонить, а сегодня – заставить двигаться. Когда Джим писал свой рапорт, он основательно нажимал каждую клавишу, сверялся с экраном, все ли в порядке, и только после этого нажимал следующую. Джима не проведешь. Джек сочинял свой с беззаботностью молодого человека, не представляющего мира без интернета; он мог печатать вслепую и касаться клавиш так, что никакой криминологической экспертизе не найти на них его отпечатков.

Старый и молодой полицейские доводили друг друга до иступления по самым смехотворным поводам. Когда надо было поискать что-то в интернете, сын говорил, что «погуглит» это, а отец – что он «забьет в Гугл». Когда они не могли на чем-то сойтись, отец

говорил: «Но я же прочитал это в Гугле!» – а сын орал: «В Гугле не ЧИТАЮТ, папа, а ИЩУТ!»

Сына бесила не столько папина компьютерная безграмотность, как его *полуграмотность*. Например, Джим до сих пор не научился делать скриншот. Чтобы получить изображение своего экрана, он брал телефон и фотографировал им монитор. А чтобы вывести изображение из телефона на бумагу, он клал его в ксерокс. Последняя крупная ссора Джека и Джима произошла из-за того, что начальник начальника нашел недостаточным освещение работы участка в соцсетях (еще бы, в Стокгольме-то все знают всё про каждый чих любого из полицейских) и попросил их фотографировать друг друга в течение дня за работой. Поэтому Джим сфотографировал Джека за рулем. На полном ходу. Со вспышкой.

И вот они сидят друг против друга и пишут, в постоянной противофазе. Джим – человек обстоятельный. Джек – эффективный. Джим рассказывает историю. Джек пишет рапорт. Джим стирает и переписывает, Джек стрекочет по клавиатуре так, будто во всем мире есть лишь один возможный вариант изложения дела. В молодости Джим мечтал стать писателем. Джек подрастал, но Джим не переставал мечтать. Потом он мечтал о том, чтобы писателем стал Джек. Сыновьям этого не понять, а отцы стыдятся это признать: мы не хотим, чтобы у наших детей были свои мечты, и не хотим, чтобы дети пошли по нашим стопам. Мы сами хотим идти по их стопам, когда они воплощают наши мечты в жизнь.

На их письменных столах стоят фотографии одной и той же женщины – мамы одного и жены другого. На столе Джима также стоит фотография другой женщины, молодой, на семь лет старше Джека. О ней отец и сын говорят редко, а она дает о себе знать, только когда нужны деньги. Всякий раз в начале зимы Джим с надеждой говорит: «Может, твоя сестра приедет домой на Рождество», Джек отвечает: «Конечно, папа, поживем – увидим». Сын никогда не называл отца наивным. Потому что любил его. На

плечах отца лежали невидимые камни, когда он поздно вечером накануне очередного Рождества говорил: «Она не виновата, понимаешь, она просто...» – а Джек заканчивал фразу: «Больна. Да, папа, я знаю. Моя сестра просто больна. Может, еще по пиву?»

Многое разделяло молодого и старого полицейских, но они были близки. В конце концов Джек перестал бегать за сестрой, в этом была разница между отцом и братом. Когда дочь стала подростком, Джиму казалось, что дети как воздушные змеи – надо только не выпускать из рук бечевку, но все-таки ветер ее унес. Она вырвалась и взлетела к небесам. Никогда точно не скажешь, когда у человека появилась зависимость, люди врут, говоря, что все под контролем. Наркотики – это сумерки, когда нам кажется, будто мы сами решаем, когда выключить лампу, но это не так: тьма поглощает нас, когда ей вздумается. Несколько лет назад Джим узнал, что Джек снял все свои сбережения, отложенные на покупку квартиры, и потратил их на оплату дорогостоящего лечения сестры в эксклюзивной больнице. Он сам отвез ее туда. Через две недели она выписалась – деньги обратно он не получил, было уже слишком поздно. Она не давала о себе знать полгода, а потом позвонила посреди ночи так, будто ничего не случилось, и попросила займы пару тысяч. На билет домой, как она сказала. Джек выслал деньги, но она так и не приехала. А отец так и бегал вниз, пытаясь не потерять из виду воздушного змея, в том-то и была разница между отцом и братом. На следующее Рождество Джим скажет: «Просто она...» – а Джек прошепчет: «Да, папа, я знаю» – и предложит еще по пиву.

Из-за пива они тоже ругались. Джек был из тех молодых людей, которые любят пробовать пиво со вкусом грейпфрута, пряников, мармеладных гномиков «и тому подобной дряни». Джим любил пиво со вкусом пива. Иногда он называл все эти новомодные сорта пива «стокгольмскими выкрутасами», но лишь иногда, потому что от этого Джек зверел, и Джиму долгое время приходилось покупать себе пиво самому. Черт разбери, почему в одной семье дети вырастают

такими непохожими друг на друга. Джим покосился на монитор Джека: пальцы сына порхали по клавиатуре. Маленький полицейский участок в не слишком большом городе был местом спокойным и тихим. Здесь особо ничего не происходило, и драма с заложниками была им в новинку, как и любая драма вообще. Джим знал: для Джека это блестящая возможность себя показать. Пока дело не прибрали к рукам стокгольмцы.

Недовольство самим собой давило на веки, усталость делала свое дело, Джек был на грани нервного срыва с тех пор, как первым вошел в квартиру. Он долго держал себя в руках, но, допросив последнего свидетеля, вошел на кухню в участке и взорвался: «Кто-то из свидетелей ЗНАЕТ, что произошло! Кто-то из них знает и лжет мне в лицо! Неужели они не понимают, что этот человек лежит где-то, истекая кровью?! Как можно врать полиции, когда человек УМИРАЕТ?!»

Когда Джек сел тем вечером за компьютер, Джим ничего не сказал. Он просто запустил чашкой в стену. Да, Джек бесился, оттого что не смог спасти злоумышленника, и был в ярости, оттого что вот-вот заявятся проклятые стокгольмцы и возьмут расследование в свои руки; но знал бы он, что чувствует отец, который не может помочь своему сыну.

Они молча посмотрели друг на друга, а потом снова уткнулись в мониторы. Наконец Джим сказал:

– Прости, я все уберу. Я просто... Я понимаю, что ты в отчаянии. Просто хотел сказать, что... я сам в отчаянии.

Джим и Джек изучили каждый сантиметр плана квартиры. Там не было ни одной возможности где-то спрятаться. Джек посмотрел на отца, потом на остатки чашки у себя за спиной и тихо сказал:

– Ему помогли. Что-то мы с тобой упустили.

Джим пробежал глазами протоколы допроса.

– Мы делаем все, что от нас зависит, сынок.

Гораздо проще говорить о работе, когда не находишь слов для всего остального, но в данном случае речь шла не только о работе,

но и о жизни вообще. Джек думал про мост с того самого момента, как узнал о происшествии с заложниками, – даже в самые спокойные ночи ему по-прежнему снилось, что человек не прыгнул с моста, что его удалось спасти. Джим тоже непрерывно думал про мост, а в худшие моменты ему снилось, что с моста прыгает Джек.

– Одно из двух: либо лжет один из свидетелей, либо все. Один из них знает, где скрывается преступник, – механически повторял Джек, обращаясь к самому себе.

Джим покосился на столешницу, по которой барабанили пальцы Джека, – мать Джека тоже так делала после бессонной ночи в больнице или тюрьме. Прошло слишком много лет, и отец уже не мог спросить у сына, как тот себя чувствует, – слишком много, чтобы сын смог это объяснить. Слишком многое их разделяет, и, похоже, это навсегда.

Но когда Джим поднялся – в сопровождении полной симфонии вздохов и стонов, характерной для пожилого мужчины, – чтобы вытереть стену и собрать осколки, Джек проворно вскочил и отправился на кухню. Он вернулся с двумя чистыми чашками. Не то чтобы Джек начал пить кофе – просто он понимал, что сейчас отцу не хочется пить кофе в одиночку.

– Прости, что я вмешался, сынок, – тихо проговорил Джим.

– Ничего страшного, папа, – ответил Джек.

Оба говорили вовсе не то, что думали. Но мы лжем тому, кого любим. Отец и сын снова склонились над клавиатурами и продолжили переписывать рапорты и изучать их снова и снова, ища зацепку.

Да, все верно. Свидетели не сказали правду. Во всяком случае, всю правду. По крайней мере, не все свидетели.

Глава 15

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ

Дата: 30 декабря

Имя свидетеля: Лондон

Джек: Вам наверняка будет удобнее, если вы пересядете с пола на стул.

Лондон: Вы что, слепой? Не видите, у меня зарядка до стула не дотягивается.

Джек: А стул, конечно, подвинуть нельзя.

Лондон: Что?

Джек: Да так, ничего.

Лондон: У вас здесь связь фиговая. Вообще не ловится.

Джек: Попрошу вас выключить телефон, я должен задать несколько вопросов.

Лондон: Да ладно, я что, мешаю? Задавайте свои вопросы. А вы типа правда коп? Че-та вы слишком молодо выглядите.

Джек: Вас зовут Лондон – это соответствует действительности?

Лондон: «Соответствует действительности». Вы выражаетесь, прям как в театре. Можно попроще.

Джек: Буду признателен, если вы отнесетесь к моим вопросам серьезно. Вас зовут Л-о-н-д-о-н?

Лондон: Ну да!

Джек: Необычное имя. Точнее, довольно необычное. Но интересное. Откуда вы родом?

Лондон: Из Англии.

Джек: Да, я понял. Я про то, что, может, был какой-то особенный повод.

Лондон: Родители так назвали, вот и весь повод. Вы что, курили?

Джек: Знаете что? Давайте по делу.

Лондон: Да ладно, проехали, не обижайтесь.

Джек: Я не обижаюсь.

Лондон: Не обиделся он, ага.

Джек: Давайте сосредоточимся на вопросах. Вы работаете в банке, я правильно понял? Вы сидели на кассе, когда злоумышленник вошел в банк?

Лондон: Злоумышленник?

Джек: Хорошо, скажем так: грабитель.

Лондон: Да, это «соответствует действительности».

Джек: Необязательно вот так вот делать пальцами в воздухе.

Лондон: Это я так показываю закавычки. Вы ведь, это самое, все записываете. Так вот, я просто хочу, чтобы вы мои слова закавычили. Пусть те, кто будет это читать, понимают, что я говорю с иронией. А то подумают, что я совсем того!

Джек: Это называется «кавычки».

Лондон: Да? У вас здесь эхо?

Джек: Я просто сказал, как это правильно называется.

Лондон: Как это правильно называется!

Джек: Я так не говорил.

Лондон: Не говорил!

Джек: Попрошу вас серьезно отнестись к моим вопросам. Расскажите подробнее об ограблении.

Лондон: Да не было никакого ограбления. У нас банк как бы все по безналу проводит.

Джек: Будьте добры, расскажите, как было дело.

Лондон: Вы записали, что меня зовут Лондон? Или вы просто написали «свидетель»? Вдруг это попадет в интернет и я стану селебрити – тогда пусть мое имя там будет!

Джек: Это не попадет в интернет.

Лондон: В интернет попадает все.

Джек: Да, конечно, я записал ваше имя.

Лондон: Кульно!

Джек: Простите, что вы сказали?

Лондон: Кульно! Вы что, не знаете, что значит «кульно»? Типа «круто»!

Джек: Я знаю, что это значит. Просто не расслышал.

Лондон: *Проста* не расслы-ы-ышал.

Джек: Сколько вам лет?

Лондон: Сколько *вам* лет?

Джек: Я спрашиваю потому, что вы выглядите слишком молодо для сотрудника банка.

Лондон: Мне двадцать. И я типа и. о., потому что перед Новым годом никто не хочет работать. А вообще-то я учусь на бармена.

Джек: А я и не знал, что для этого надо учиться.

Лондон: Конечно, это серьезная работа, не коп какой-нибудь.

Джек: Вы правы. Так не могли бы вы рассказать подробнее об ограблении?

Лондон: Ну если вы как бы меня хорошенько попросите, то так и быть. Расскажу вам об «ограблении»...

Глава 16

Погода была никакая. Зимой в Скандинавии выпадают такие недели, когда даже небеса не хотят нас порадовать ничем хорошим. Отражения в лужах становятся цвета вчерашней газеты, а рассвет оставляет после себя дымку, точно сгоревший призрак. Одним словом, не самый подходящий день для показа квартиры – в такую погоду люди не хотят жить нигде, к тому же дело было за день до Нового года, а чтобы устраивать показы квартир в такое время, надо быть больным на всю голову. Да и для ограбления банка день не вполне подходящий, не в плане погоды, а скорее в плане самого ограбления.

В строгом смысле слова оно не было ограблением. Что вовсе не значит, что грабитель не имел намерения совершить ограбление, он самым что ни на есть серьезным образом собирался ограбить банк, а не удалось ему это лишь потому, что по ошибке он выбрал банк, который не работает с наличными. При ограблении банка это, сами знаете, существенный момент.

Причем виноват в этом не обязательно только грабитель. А еще и общество. Не потому, что общество несет ответственность за социальную несправедливость, которая толкнула злоумышленника на скользкую дорожку (по большому счету оно, конечно, ее несет, но в данном случае это для нас неважно), а потому, что вектор развития общества привел его к тому, что вещи перестали соответствовать своим именам. Было время, когда лопата была просто лопатой, а банк – банком. А теперь существуют банки, где действует только безналичный расчет, то есть банки без денег, – но должен же быть в этом мире хоть какой-то порядок? Нет ничего странного в том, что люди теряются, а общество катится к чертовой матери в эпоху кофе без кофеина, безглютенового хлеба и безалкогольного пива. И если кто-то наконец назовет лопату лопатой, то рядом непременно

отыщется доброжелатель, который его поправит: «Нет-нет-нет, что вы, – это же *скребок!*»

Так вот, представьте: грабитель, которому так и не удалось стать грабителем, заходит в банк, который едва ли можно назвать банком, и с помощью пистолета обозначает свои намерения. Но на кассе, с головой погрузившись в изучение соцсетей, сидит двадцатилетняя Лондон. Социальные сети отбили у нее все социальные навыки до такой степени, что, увидев грабителя, она лишь спрашивает: «Чувак, ты серьезно?», – демонстрируя тем самым полное отсутствие уважения к представителю старшего поколения, положенное поколению младшему. Грабитель разочарованно качает головой и, по-отечески глядя на девочку, угрожает ей пистолетом и протягивает записку: «Это ограбление! Мне нужно 6500!»

Поморщившись, Лондон спрашивает: «Шесть пятьсот? Ты что, забыл прибавить два нолика? К тому же у нас только безнал, как ты собрался нас грабить? Ты что, больной на всю голову?»

Грабитель сконфуженно прокашливается и что-то бормочет себе под нос. Лондон разводит руками и спрашивает: «У тебя хоть пистолет настоящий? Дай заценить. А то я тут в сериале видела, как одного типа не могли осудить за ограбление, потому что у него пестик был игрушечный!»

Так вот, от такого поворота событий грабитель чувствует себя безнадежно старым, и девочка по ту сторону стекла кажется ему четырнадцатилетним подростком. Ей, понятное дело, гораздо больше, когда тебе тридцать девять, то разница между четырнадцатью и двадцатью годами уже можно и не заметить. Именно такие нюансы заставляют почувствовать себя старым.

«Алё, гараж, ты меня вообще слышишь?» – с нетерпением выкрикнула девочка, что могло бы показаться крайне необдуманной репликой в адрес человека в маске и с пистолетом, но знай вы Лондон поближе, вы бы понимали, что она не дура. А просто засранка. Поэтому у нее нет друзей даже в соцсетях и она тратит все свое свободное время на то, чтобы сокрушаться, что неприятные ей

знаменитости в очередной раз не потерпели фиаско. За секунду до того, как грабитель проник в банк, она лихорадочно обновляла фейсбучную ленту, чтобы узнать, развелись ли известные ей актеры или все-таки нет. Лондон от всей души надеялась, что развелись, потому что иногда гораздо проще справиться со своим личным кошмаром, если знаешь, что у других тоже не лучше.

Но грабитель не ответил. Он почувствовал себя очень глупо и успел обо всем пожалеть. Да, ограбление банка, очевидно, с самого начала было феерически плохой идеей. Грабитель уже собрался объяснить это девочке, попросить прощения и убраться восвояси, – и тогда, возможно, всем последующим событиям не суждено было случиться, но из этого ничего не вышло, потому что в тот самый момент Лондон сообщила: «Так, все, я звоню копам!»

Грабитель в панике выбежал вон.

Глава 17

Джек: Можете ли вы назвать какие-то отличительные особенности злоумышленника?

Лондон: Вы имеете в виду у грабителя?

Джек: Да.

Лондон: Почему нельзя называть вещи своими именами?

Джек: Были ли у *грабителя* какие-то особенности?

Лондон: Какого плана?

Джек: Что-то необычное в его внешности?

Лондон: Блин, какая банальность!! У вас до сих пор стереотипный взгляд на гендер!

Джек: Извините. Вы могли бы что-то сказать об этом... человеке?

Лондон: Необязательно делать пальцами вот так.

Джек: Позвольте все-таки настоять на моем вопросе. Вы могли бы рассказать что-нибудь о том, как ГРАБИТЕЛЬ выглядел? Он был высокого роста или низкого?

Лондон: Знаете что, я не делю людей по росту. Это дискриминация. Я, например, маленького роста, а это может внушить комплексы высокому человеку.

Джек: Извините?

Лондон: Ну, у высоких людей тоже есть свои комплексы.

Джек: Хорошо. Понял. Еще раз прошу прощения. Тогда подойдем к вопросу иначе. Как по-вашему, были ли у грабителя какие-то комплексы?

Лондон: Почему вы все время трете глаза? Это стремно.

Джек: Прошу прощения. Каким было ваше первое впечатление от грабителя?

Лондон: Ладно, зачет. Моим первым «впечатлением» от «грабителя» было то, что это полный дебил.

Джек: В моем представлении это в высшей степени стереотипный взгляд на интеллект.

Лондон: Че?

Джек: Да так, ничего. Что вы вкладываете в понятие «полный дебил»?

Лондон: Ну как, дает мне бумажку, на которой написано «Мне нужно шесть пятьсот!». Какой идиот будет грабить банк ради такой суммы? Банк грабят, чтобы получить типа десять лимонов. А если тебе нужно шесть пятьсот, то у тебя как бы очень специальная причина. Или как?

Джек: Да, признаться, я об этом не подумал.

Лондон: Вам надо больше думать, вы об этом не думали?

Джек: Я делаю все, что в моих силах. Можно попросить вас взглянуть на эту бумагу? Она вам знакома?

Лондон: Вот эта? Похоже на детский рисунок. Это что такое?

Джек: Я думаю, на рисунке изображены обезьяна, лягушка и лошадь.

Лондон: Какая к черту лошадь. Это лось!

Джек: Вы так думаете? Мои коллеги считают, что это либо лошадь, либо жираф.

Лондон: Погодите-ка, мне пришло обновление.

Джек: Лондон, сосредоточьтесь. Значит, вам кажется, это лось?
Лондон! Отложите трубку и отвечайте на мой вопрос!

Лондон: YES!

Джек: Простите?

Лондон: Наконец-то! Ура!

Джек: Я вас не понимаю.

Лондон: Они разводятся!

Глава 18

В чем же правда? Правда в том, что грабитель был взрослым человеком. Больше нам о нем ничего не известно. А когда ты взрослый, о тебе некому позаботиться, надо справляться самому, самому разбираться с этим миром. Работать и оплачивать счета, пользоваться зубной нитью и вовремя приходить на встречи, стоять в очередях и заполнять бланки, вставлять вилки в розетки и собирать мебель, менять летнюю резину и вовремя заряжать телефон, выключать кофеварку и записывать детей на занятия в бассейн. Утром, едва мы открываем глаза, жизнь уже стоит наготове, чтобы обрушиться на нас очередную лавину «надо сделать!» и «не забудь!». Мы не успеваем подумать, вздохнуть, как просыпаемся и сразу пытаемся прорваться сквозь эту кучу дел, потому что завтра на нас свалится новая. Иногда мы останавливаемся и оглядываемся вокруг – на рабочем месте, во время родительского собрания или просто на улице – и с ужасом понимаем, что все остальные точно знают, чем они занимаются. И только нам все время приходится притворяться. У остальных на все хватает денег, у них все под контролем и на все остаются силы. Дети у остальных давно научились плавать.

А мы не готовы быть взрослыми. Нас следовало остановить на ближних подступах.

В чем же правда? Правда вот в чем: в тот самый момент, когда грабитель выбежал на улицу, мимо проходил полицейский. Позднее окажется, что полиция еще не успела выехать, сигнал тревоги еще не поступил, потому что двадцатилетняя Лондон и персонал, с которым она разговаривала, потратили довольно много времени на препирательства. (Лондон нажала на кнопку «Ограбление», после чего в службе, где сработала сигнализация, заинтересовались, в чем

дело, и Лондон продиктовала им адрес банка, в ответ они спросили: «Разве это не безналичный банк? Как его можно ограбить?» – на что Лондон переспросила: «Вы чего вообще?» – а персонал службы уточнил: «В каком смысле?» – в ответ на что Лондон прошипела: «Вы чего, вообще?» – на что персонал ответил: «Это мы вас спрашиваем!» – а Лондон им: «Это я вас спрашиваю!» – после чего беседа довольно быстро свернулась.) Впоследствии выяснилось, что полицейский, которого увидел грабитель, на самом деле был вовсе не полицейским, а парковщиком. И не будь грабитель в такой панике и приглядишься внимательно, он бы сразу это увидел и побежал в другую сторону. Тогда наша история была бы гораздо короче.

Но грабитель юркнул в первую попавшуюся дверь, которая вела в подъезд. Бежать там было некуда, кроме как вверх по лестнице. На верхнем этаже была приоткрыта дверь в квартиру, куда и бросился вспотевший и запыхавшийся грабитель в балаклаве, съехавшей набок, так что виднелся только один глаз. Лишь тогда грабитель заметил, что у порога стоит куча обуви, а в квартире полно разутых людей. Тут одна женщина, увидев пистолет, закричала: «Караул, грабят!» – а грабитель, уловив шаги по лестнице, решил, что это полиция (на самом деле это был почтальон), поэтому в отсутствие достойной альтернативы захлопнул дверь и стал вертеть пистолетом в разные стороны, переводя прицел с одного на другого: «НЕТ! ЭТО НЕ ОГРАБЛЕНИЕ... Я ПРОСТО...» – но тут же передумал и, запыхавшись, добавил: «ИЛИ ПУСТЬ БУДЕТ ОГРАБЛЕНИЕ! НО ВАС Я НЕ ГРАБЛЮ! ИЛИ ДАВАЙТЕ ВЫ ПОБУДЕТЕ МОИМИ ЗАЛОЖНИКАМИ! Я ОЧЕНЬ ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ! У МЕНЯ СЕГОДНЯ БЫЛ ТРУДНЫЙ ДЕНЬ!»

Одно очко в пользу грабителя. Не то чтобы это как-то его оправдывало, но и у грабителей бывают плохие дни. Кто из нас, положив руку на сердце, не захотел бы помахать пистолетом после разговора с двадцатилетней засранкой?

Через пару минут под окнами собрались журналисты с камерами, а после прибыла и полиция. То, что большинство журналистов прибывает на место быстрее, чем большинство полицейских, вовсе не обязательно объясняется тем, что полицейские менее компетентны: просто у них есть дела поважнее, и кроме того, у журналистов больше свободного времени, чтобы читать соцсети, и молодая несимпатичная девушка из банка (который не был банком в строгом смысле этого слова) лучше умеет излагать свои мысли в Твиттере, чем по телефону. Она тотчас объявила в соцсетях, что в огромное окно банка видела, как грабитель скрылся в доме на другой стороне улицы, а к полицейским сигнал поступил лишь после того, как почтальон, увидевший грабителя на лестничной клетке, позвонил своей жене, которая как раз работала в кафе напротив полицейского участка. И только когда жена перебежала через улицу, в полицию поступил сигнал о том, что некто – судя по всему, мужчина, – с чем-то – судя по всему, с пистолетом, – в головном уборе – судя по всему, в балаклаве, – ворвался в квартиру, где проходил риелторский показ, и заперся внутри с риелтором и покупателями. Вот как разворачивались события после неудавшегося ограбления банка и вполне удавшегося захвата заложников. Жизнь всегда преподносит свои сюрпризы.

Перед тем как злоумышленник захлопнул дверь в квартиру, из его кармана выскользнул листок и опустился на лестничный пролет. Это был рисунок, сделанный ребенком. На нем были изображены обезьяна, лягушка и лось.

Не лошадь и, конечно же, не жираф. А лось. Это важно.

Двадцатилетние засранки могут многого не знать о жизни (мы-то, люди постарше, понимаем, что большинство из этих двадцатилетних могут выбрать правильный ответ из двух предложенных лишь в двадцати пяти процентах случаев), но именно эта была совершенно права в одном: нормальные грабители требуют на кассе круглые

суммы. Кому угодно может прийти в голову мысль ограбить банк и потребовать десять миллионов. Но если в банк является вооруженный и нервный человек и просит на кассе ровно шесть тысяч пятьсот крон, значит, у него есть на то причина.

А может быть, и не одна.

Глава 19

Не зря говорят: хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Но на ошибках мы не учимся.

Человека, стоявшего на мосту десять лет назад, и грабителя, взявшего заложников, ничто не связывало. Они никогда не встречались. Единственное, что их объединяет – это моральный риск. Так говорят в банке. Кто-то должен был изобрести это понятие, чтобы объяснить, как работает финансовый рынок, потому что одного общеизвестного факта, что банки аморальны, недостаточно для того, чтобы назвать их «аморальными». Кто-то должен был поставить под вопрос правдоподобность того, что банки ведут себя в соответствии с нормами морали, ведь для них такое поведение – самый что ни на есть риск. Человек на мосту отдал свои деньги в банк, чтобы сделать «надежные инвестиции», потому что в те времена все инвестиции были надежными. Затем человек использовал свои инвестиции как гарантию, чтобы взять кредит, а затем он взял новый кредит, чтобы оплатить старый. «Так поступают все», – сказали в банке, и человек подумал: «Им виднее». Но в один прекрасный день оказалось, что ничего надежного больше нет. Случился финансовый кризис и обрушил банки, хотя на самом деле рухнули людские судьбы. Банки остались на месте: у финансового рынка нет сердца, оно не может разбиться, а у человека все сбережения обернулись горой долгов, и никто не смог объяснить, как это произошло. Когда человек напомнил банку, как тот говорил: «Вы ничем не рискуете», банк лишь развел руками и сказал: «Риск существует всегда, вам следовало это знать с самого начала, не надо было давать нам деньги».

Тогда человек пошел в другой банк, чтобы взять кредит там и погасить долги, которые у него появились из-за того, что первый банк обанкротился и потерял все его сбережения. Он объяснил

второму банку, что иначе лишится своего предприятия, а затем и квартиры, а у него, между прочим, двое детей. Другой банк понимающе кивал, но женщина в окошечке сказала: «Вы пострадали от того, что мы называем моральным риском».

Человек ничего не понял, тогда женщина холодно объяснила, что моральный риск – «это когда одна из договорившихся сторон не страдает от негативных последствий собственных действий». Человек все равно ничего не понял, тогда женщина, вздохнув, сказала: «Представьте себе, что два идиота сидят на дереве, и тот из них, что ближе к стволу, рубит ветку, на которой они сидят». Человек продолжал, моргая, смотреть на женщину в полном непонимании, тогда она закатила глаза и пояснила: «Вы тот идиот, который сидел подальше. Банк отрубает ветку, чтобы спасти себя. Собственные деньги он не теряет, только ваши, потому что вы позволили им держать в руках пилу». Затем она спокойно собрала бумаги, полученные от человека, протянула их ему и сообщила, что они не могут дать ему кредит.

«Но ведь деньги пропали не по моей вине!» – сокрушался человек.

Холодно посмотрев на него, женщина ответила: «Да ладно. Не надо было их им давать».

Десять лет спустя грабитель оказался в квартире, выставленной для показа. У него никогда не было таких денег, чтобы женщине в банке приходилось объяснять ему, что такое моральный риск, но мама часто говорила: «Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах», – а иногда это примерно одно и то же. Когда мама сказала это впервые, грабителю было семь лет – возможно, слишком рано для такого возраста, потому что в конечном счете это значит примерно следующее: жизнь может пойти как угодно, но скорей всего, к чертовой матери. Это ясно даже ребенку. И даже ребенку ясно: если мама говорит, что не любит загадывать наперед, и даже если она не планирует напиться, то напивается она так часто, что это

нельзя назвать случаем. Ребенок пообещал себе, что никогда не будет пить и никогда не станет взрослым, но выполнил обещание только наполовину. К сожалению, всем нам приходится становиться взрослыми.

А что же моральный риск? Ребенок понял это накануне Рождества того же года, на кухне, когда мама, опустившись на корточки и покачиваясь, обняла его, так что пачка сигарет оказалась у него на голове. Мама икала в рыданиях: «Не сердись, пожалуйста, не ругай меня, это ведь не моя вина». Сначала ребенок не понял, в чем дело, но постепенно до него стало доходить, что, видимо, это как-то связано с тем, что каждый день после школы ребенок продавал газеты, а потом отдал все деньги маме, чтобы она могла купить еды для рождественского стола. Ребенок посмотрел маме в глаза, блестящие от алкоголя и слез, опьянения и презрения к самой себе. Она плакала в объятиях ребенка. На кухне, полной пустых бутылок и без намека на рождественское угощение. Мама шептала: «Не надо было давать мне деньги». Так она впервые просила прощения у ребенка.

Грабитель часто об этом вспоминал. Не с ужасом, а удивляясь, как после всего этого можно не возненавидеть свою маму. Ему по-прежнему казалось, что она не виновата.

В феврале их вышвырнули из квартиры, и грабитель пообещал себе, что у него никогда не будет детей, и все же дети у него появились. Тогда он пообещал, что никогда не будет таким непредсказуемым родителем. Он не из тех, кто не в состоянии повзрослеть, научиться платить по счетам, найти жилье себе и своим детям.

И Бог посмеялся.

Человек на мосту написал женщине в банке, которая говорила ему о моральном риске. Он записал ровно то, что должен был ей сказать.

А затем прыгнул. Женщина из банка носила это письмо в сумке в течение десяти лет. А затем повстречала грабителя.

Глава 20

Первыми полицейскими, прибывшими к дому с заложниками, на место, оказались Джим и Джек. Дело было не в их компетенции, а в размерах городка: других полицейских поблизости не имелось, тем более за день до Нового года. В участке любили шутить, что если попробуешь вызвать подкрепление, то в ответ по рации тебе сообщат, что оно ушло в туалет и перезвонит позже.

А журналисты, понятное дело, уже собрались на месте. Хотя, возможно, по большей части это были соседи и любопытные – сегодня трудно понять, журналист ты или нет, потому что все фотографируют, снимают видео и документируют всю свою жизнь так, словно у каждого есть своя телепрограмма. Все в ожидании смотрели на Джима и Джека, как будто полицейские уж точно знают, что надо делать. Но они не знали. В этом городе никогда не брали заложников и не грабили банки, особенно в последнее время, когда появились банки с безналичным расчетом.

– Как думаешь, что делать? – спросил Джек.

– Я? Не знаю, это ты обычно все знаешь, – честно ответил Джим.

Джек растерянно посмотрел на него:

– Я никогда не имел дела с захватом заложников.

– Я тоже, сынок. Но ты ведь проходил этот курс? Где учат слушать.

– Активное слушание, – пробормотал Джек.

Да, курс был очень хороший, но Джек не знал, как применить полученные знания в данный момент.

– Ну да, – кивнул Джим. – Тебя там учили, как говорить с преступником, который взял заложников?

– Да, но чтобы слушать, нужен тот, кто будет говорить, а как нам установить контакт с преступником? – спросил Джек. Ведь они не получили от него никаких сообщений, он не требовал выкуп. Никаких зацепок. Кроме того, Джек понимал, что будь этот курс

активного слушания так хорош, как утверждал их инструктор, то у него бы уже была девушка.

– Не знаю, – признался Джим.

Джек вздохнул:

– Папа, ты ведь работаешь полицейским всю свою жизнь, у тебя должен быть хоть какой-то опыт?

И тогда Джим попытался сделать вид, что у него, само собой, есть опыт, потому что папы должны объяснять своим сыновьям, как устроен мир, ведь в ту секунду, как мы перестаем это делать, уже не дети находятся под нашей ответственностью, а мы переходим под их. Поэтому папа прокашлялся, отвернулся и достал телефон. Он стоял так довольно долго в надежде, что сын ни о чем не спросит. Но тот спросил.

– Папа, – сказал Джек, заглядывая ему через плечо.

– Мм? – сказал Джим.

– Ты что, серьезно гуглишь «Что делать при захвате заложников»?

– Типа того.

Джек застонал и, согнувшись, оперся о колени. Проворчал себе под нос, что знает, что именно в скором времени скажет его начальство и начальство его начальства, когда позвонят сюда. Это будут самые ужасные слова, которые только известны Джеку.

– Может, позвоним стокгольмцам и попросим о помощи?

– Разумеется, разве мы когда-нибудь справлялись с чем-то без посторонней помощи? – Джим поднял взгляд на квартиру, где скрывался преступник. Выругался. С чего-то же надо начать, за что зацепиться?

– Папа? – вздохнул наконец Джек.

– Что, сынок? – спросил Джим.

– Что написано в Гугле?

Джим зачитал вслух, что для начала надо установить личность преступника. И узнать его требования.

Глава 21

Итак. Грабитель напал на банк. Подумайте теперь об этом.

К вам оно, понятное дело, никакого отношения не имеет. Как и человек на мосту. Вы ведь нормальный порядочный человек, который не собирается грабить банк. Нормальные люди знают, что есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах делать нельзя. Нельзя врать, воровать, убивать, кидать камни в птиц. Это все знают.

Разве что в лебедей, потому что они пассивно-агрессивные засранцы. Но в других птиц нельзя. И врать тоже нельзя. Впрочем... ну, иногда все-таки приходится врать. Когда, например, ребенок спрашивает тебя: «Откуда так вкусно пахнет? Ты ЕЛ КОНФЕТЫ?» Но уж воровать и убивать-то точно нельзя, уж это все знают.

А если это Гитлер? Если ты вернулся в прошлое на машине времени? Да, Гитлера убить можно. Иногда приходится убить одного человека, чтобы спасти жизнь миллионам и избежать мировой войны, это всем ясно. Но скольких людей надо спасти, чтобы получить право убить человека? Миллион? Сто пятьдесят? Двух? Или одного? Точного ответа на этот вопрос не существует.

Возьмем пример попроще. Можно ли воровать? Нет, нельзя. Это все знают. Но ведь можно украсть чье-то сердце, это так романтично. А можно украсть губную гармошку у парней, которые играют на вечеринках, потому что это акт гражданского мужества. Или можно украсть что-нибудь маленькое, если оно тебе необходимо. Ничего страшного. А что-то побольше можно украсть? И кто в таком случае решает, что считать большим, а что маленьким? А если уж необходимо украсть, то как определить меру необходимости? Если чувствуешь, что все-таки украсть необходимо и это никому не повредит, то можно ли, например, ограбить банк?

Нет, все-таки банки грабить нельзя. Тут вы, конечно, правы. Вот вы никогда не ограбите банк, у вас с этим грабителем нет ничего общего.

Разве что страх. Все мы когда-либо боялись, вот и наш грабитель тоже. Наверное, потому, что и у него были маленькие дети и соответственно время поупражняться. Возможно, у вас тоже есть дети и вы знаете, что родителей не покидает страх оттого, что вы не знаете и не можете всего на свете и не справляетесь с этой жизнью. В конце концов мы привыкаем к постоянным провалам, и всякий раз, когда все-таки отвечаем детским ожиданиям, мы оказываемся потрясены. Вполне вероятно, что некоторые дети об этом знают. Поэтому время от времени понемногу идут нам навстречу в самых странных ситуациях, чтобы вдохнуть новую жизнь в наши легкие. Чтобы мы не пошли ко дну.

Но вот грабитель вышел утром из дома с рисунком в кармане, на котором были изображены обезьяна, лягушка и лось, – причем грабитель об этом не знал. Рисунок ему в карман положила нарисовавшая его девочка, дочь грабителя. У нее была старшая сестра, с которой, по идее, они должны были постоянно сражаться, как принято у сестер, но им это было почти несвойственно. Младшей разрешалось играть в комнате старшей – та не возражала. У старшей были дорогие сердцу вещи, которые младшая не портила из вредности. Когда сестры были маленькими, родители шепотом говорили: «За что нам такое счастье?» И они были правы.

После развода, в те дни, когда девочки жили у одного из родителей, по утрам в машине они слушали новости. Один из родителей попал в новостные сводки, но тогда они еще не знали, что именно он стал грабителем.

В те дни, что девочки жили у грабителя, они все вместе ездили в школу на автобусе. Они обожали ездить на автобусе и по дороге придумывали небольшие истории про сидящих впереди пассажиров: «Вон тот наверняка пожарный», – предполагал родитель. «А вон тот – инопланетянин», – говорила младшая дочь. Когда очередь

доходила до старшей, она ОЧЕНЬ ГРОМКО выдвигала свою версию: «А он, возможно, убийца в розыске, и в рюкзаке у него может оказаться чья-нибудь голова!» Тогда сидевшим рядом теткам становилось не по себе, но сестры от этого только пуще смеялись, а родителю приходилось делать перед тетками серьезное лицо – мол, ничего смешного.

Почти всегда они опаздывали и бежали через мост до остановки на другой стороне, а когда автобус останавливался, они с хохотом кричали: «Лось бежит! Подождите лося!» – потому что ноги у их родителя были невероятно длинными по сравнению с телом, и на бегу это выглядело очень забавно. Пока сестры не появились на свет, этого никто не замечал, ведь дети воспринимают пропорции иначе, чем взрослые, возможно, потому, что им приходится смотреть на нас снизу вверх, а это самый невыгодный ракурс. Поэтому у сообразительных маленьких троллей так хорошо получается нас подкалывать. Они видят все слабые места. И все же каждый раз прощают нам наши проступки.

Странная штука: каким бы родителем ты ни был – хоть грабителем, хоть кем угодно еще, дети любят тебя несмотря ни на что. Поразительно, что уже взрослыми люди продолжают слепо верить в то, что их родители – умнейшие, забавнейшие и бессмертные. Возможно, это заложено природой – до определенного возраста дети любят родителей безусловно и безрассудно лишь по одной причине – за то, что мы их родители.

Тут надо отдать должное природе – придумано неплохо.

Грабитель никогда не называл своих девочек их настоящими именами. Пока ты живешь один, ты не замечаешь этого: именно те, кто дал детям их имена, реже всех называют их по имени. Тем, кого мы любим, мы даем ласковые прозвища – любовь требует особенных слов, которые принадлежат только нам. Грабитель всегда называл своих девочек, сообразуясь со своими ощущениями от того,

как они впервые дали о себе знать в мамином животе – соответственно шесть и восемь лет назад. Одна там словно прыгала, другая, казалось, карабкалась. Одна – лягушка. Другая – мартышка. И лось, готовый ради них на все что угодно. Даже если это совсем идиотская затея. Возможно, несмотря ни на что, здесь у вас с грабителем есть что-то общее. В вашей жизни, наверное, тоже есть тот, ради кого вы готовы побыть идиотом.

Но все же вы по-прежнему не готовы ограбить банк. Конечно же, нет.

Но, возможно, вы были когда-нибудь влюблены? Когда-то это случается со всеми. От любви все совершают дурацкие поступки. Например, женятся. Заводят детей, живут счастливой семейной жизнью. По крайней мере, делают вид, что счастливы. Возможно, жизнь у них не такая уж счастливая, но вполне приличная. Да, у них настоящий приличный брак. Не может же человек непрерывно быть счастлив. На это и времени нет. Главное – день продержаться. Возможно, такие дни выдавались и у вас. И возможно, вам пришлось пережить столько таких дней, что одним прекрасным утром вы оглянулись и вдруг поняли, как одиноки, и обнаружили, что человек, с которым вы жили все это время, давно уже свернул с вашей общей дороги. Возможно, вы обнаружили ложь. Так было с грабителем. Возможно, вам признались в измене. А может, и нет. Но в любом случае вы понимаете, что такие вещи способны перевернуть жизнь.

Особенно если это не разовая измена, а интрижка за вашей спиной. Вас не просто однажды предали, вас обманывали день за днем. Изменить можно нечаянно, увлекшись, а продолжительные отношения надо тщательно планировать. Это, наверное, самое мучительное – от множества улик, которых вы все это время не замечали. А добило бы вас отсутствие серьезной причины для подобной неверности. Вы бы еще поняли, что это произошло от одиночества и тоски, «потому что ты все время работаешь и у тебя

никогда нет времени, чтобы побыть вместе». Но когда слышишь объяснение типа: «Вообще, если честно, у меня отношения с твоим шефом», то как от такого оправиться? Получается, что, работая сверхурочно, вы сами и разрушили свою семью. И вот, после всего этого вы приходите в понедельник на работу, а шеф вам: «Н-да, ситуация для всех нас крайне неловкая, поэтому... может быть... тебе проще уволиться?» В пятницу у вас была семья и работа, в воскресенье вы стали безработным бомжом. Что делать? Нанять адвоката? Подать в суд?

Нет.

В ответ грабителю сказали: «Только не надо закатывать сцен. Не создавай проблем. Ради детей!» Грабитель смирился. Чтобы не быть неудобным родителем, пришлось съехать с квартиры, уйти с работы, зажмуриться и прикусить губу. Ради детей. Возможно, на его месте вы поступили бы так же. Однажды Лягушка сказала, что слышала в автобусе, как один взрослый говорил: «Любовь – это боль», а Мартышка добавила, что, наверное, поэтому на рисунках у сердца острый кончик. Как после этого объяснить им, что такое развод? Как рассказать об измене? Как сделать так, чтобы они не превратились в маленьких циников? Ведь влюбленность – такая волшебная, романтичная, возвышенная вещь... но любовь и влюбленность – вещи разные. Правда же? Разве может быть иначе? Никто, черт побери, не сумеет оставаться влюбленным на протяжении долгих лет. Когда человек влюблен, он не думает ни о чем другом – забывает о друзьях, работе, еде. Если бы мы были влюблены непрерывно, то умерли бы с голоду. А любовь – это влюбленность... время от времени. А потом пауза. Проблема в том, что все относительно, счастье держится на ожидании, и к тому же теперь у нас есть интернет. Мир непрерывно задает нам вопросы: «Так уж ли безупречна твоя жизнь? Что? В самом деле? Все прекрасно? А то смотри, если что, все можно изменить!»

Правда в том, что, если бы люди действительно были так счастливы, как выглядят в соцсетях, они бы не проводили столько времени в интернете, потому что тот, кто по-настоящему счастлив, не тратит полдня на то, чтобы делать селфи для соцсетей. Каждый может возделывать свой аккаунт, если у него достаточно удобрений, и, если по ту сторону забора трава кажется зеленее, значит, там просто полно навоза. Но сегодня это не играет роли, потому что мы научились требовать, чтобы каждый день был совершенно особенным. Каждый.

И вдруг оказывается, что мы живем не вместе, а просто рядом друг с другом. Одному из нас на протяжении многих лет кажется, будто в семье у него все хорошо. Или, по крайней мере, не хуже, чем у остальных. Ну, или хотя бы вполне сносно. Но вдруг оказывается, что другому нужно гораздо больше; того, что есть, ему не хватает, чтобы и день продержаться. Один из нас ходит из дома на работу и с работы домой, и там, и там максимально выкладывается. И вдруг оказывается, что другой тем временем выкладывается вовсе не для него, а для его шефа.

«Любить друг друга, пока смерть не разлучит нас» – разве мы не давали такую клятву? Разве не это мы обещали друг другу? Может, память нас подводит? «Или пока одному из нас не наскучит» – возможно, мы произнесли и эти слова?

Теперь Мартышка и Лягушка живут с одним из родителей и шефом, а грабителю жить негде. Потому что квартира записана на имя одного из родителей и грабитель не хочет устраивать скандал. И создавать проблемы. Но не так-то просто найти жилье в той части города – как и в любой другой части города и вообще в каком-либо городе, – если у тебя нет работы и денег. Человек не встает в очередь на жилье, имея семью, детей и безбедное существование, потому что не ждет, что однажды после обеда все потеряет. Самое противное в разводе не то, что время, потраченное на другого за эти

годы, летит в тартарары, а то, что все планы на будущее катятся к чертовой матери.

Забудьте о покупке квартиры, сказал банк, – кто даст кредит человеку, у которого нет денег? Кредиты выдают только тем, кому они, по сути, не нужны. А где человеку, позвольте спросить, жить? Снимите квартиру, сказал банк. Но чтобы снимать квартиру, не имея работы, нужно внести залоговый депозит за несколько месяцев вперед. Но депозит возвращают только тогда, когда собираешься съехать. Какая тогда от него польза.

Затем пришло письмо от адвоката. В нем говорилось, что другой родитель Лягушки и Мартышки подал заявление на право воспитывать детей единолично, поскольку «в сложившейся ситуации, когда второй опекун не имеет жилья и дохода, иной выход не представляется возможным».

Другой родитель прислал грабителю имейл, в котором было написано: «Забери свои вещи». Это, понятное дело, означало, что можно забрать те вещи, которые остались после ревизии, проведенной другим родителем и бывшим шефом, после того как они забрали себе все стоящее, а все ненужное оставили тебе. Вещи хранятся в подвале, и как мы поступим? Лучше прийти туда поздно вечером, чтобы не встречать соседей и не позориться. И тут вы понимаете, что вам некуда идти со всеми вашими вещами. Вам негде переночевать, а на улице становится холодно, и вы остаетесь на ночь в подвале.

В чужом отсеке, который забыл запереть сосед, стоял ящик со старыми одеялами. Под одеялами лежал забытый игрушечный пистолет, и вы засыпаете, сжимая его в руке, – вдруг ночью в подвал ворвется какой-нибудь чокнутый, тогда будет чем пригрозить. Вы плачете, понимая, что вы и есть тот самый чокнутый.

На следующее утро вы складываете одеяла обратно в ящик, а пистолет оставляете себе, ведь вы не знаете, где будете ночевать этой ночью, – возможно, он вам пригодится. Так проходит неделя.

Возможно, вы не знаете, каково жить такой жизнью, но и в вашей жизни бывали моменты, когда, глядя в зеркало, вы думали: «Моя жизнь могла бы сложиться иначе». Это страшно. И вот однажды утром человек совершает отчаянный поступок. Нет, конечно, вы никогда на такое не пойдете, речь не о вас. Вы бы сверились с законом, узнали бы о своих правах, положились бы на адвоката и обратились бы в суд. А может, и нет. Может, вы не захотели бы устраивать скандал на глазах у своих дочерей, ведь вы не тот родитель, который хочет создать проблемы, вы придумали бы что-то получше; вот был бы у вас хотя бы один маленький шанс, уж вы бы нашли способ все исправить и сделать так, чтобы все были счастливы.

И вот на горизонте маячит маленькая квартирка, прямо рядом с домом, где живут Лягушка и Мартышка, возле моста; квартиру можно снять через третьи или четвертые руки за шесть пятьсот в месяц, и вы думаете: «Мне бы выдержать хотя бы один месяц, за это время можно и работу найти, а если мне будет, где жить, тогда они не заберут у меня детей». Вы выгребаете оставшиеся крохи со счета, продаете все, что у вас есть, вам хватает, чтобы протянуть один месяц, и тридцать ночей кряду лежите и думаете, как бы наскрести на следующий месяц. Ничего не выходит.

Можно обратиться в муниципальное управление, это вполне логично. Но стоя перед дверью кабинета, вы вспомните собственную маму и то чувство, когда сидишь на казенной банкетке с бумажным номерком в руках, а внутри все сжимается при мысли о том, на какую ложь способен ребенок ради родителей. И сердце не позволит вам перешагнуть порог. Самый идиотский предрассудок тех, у кого есть все, по поводу тех, у кого нет ничего, состоит в том, что гордость якобы мешает последним просить о помощи. Чаше дело не в ней.

Пьяницы и наркоманы отменные вруны, но до своих детей им далеко. Их дочерям и сыновьям приходится то и дело как-то выкручиваться, выдумывать что-то правдоподобное и не слишком

невероятное, прибегать к обыденному вранью, которое никто не станет проверять. Дети пьяниц и наркоманов никогда не станут говорить, что тетрадку с домашним заданием погрызла собака, – они скажут, что забыли дома рюкзак. Мама не пришла на родительское собрание не потому, что ее атаковали ниндзя, а потому, что задержалась на работе. Где она работает – не помню. Она заместитель. Старается изо всех сил, чтобы заработать на жизнь, вы ведь понимаете, папа от нас ушел. Дети знают, что надо сказать, чтобы не задавали лишних вопросов. Они знают, что тети из муниципалитета могут забрать их у мамы, если узнают, что она спалила предыдущую квартиру, потому что заснула с горящей сигаретой, или что она украла рождественский окорок в супермаркете. Поэтому, когда ее задерживает охранник, дети говорят: «Это я». Из-за ребенка полицию никто вызывать не будет, тем более на Рождество. Можно спокойно уйти домой со своей мамой, голодным, зато не одиноким.

Если вы когда-то были таким ребенком, то, когда у вас родились свои дети, вы никогда не позволите им пережить подобное. Ни при каких обстоятельствах им не понадобится лгать – это вы себе пообещаете. Поэтому вы не идете в муниципальное управление, ведь вас могут разлучить с вашими девочками. Вы соглашаетесь на развод и отказываетесь от борьбы за работу и квартиру, потому что не хотите, чтобы родители девочек воевали. Вы пытаетесь все устроить самостоятельно, и наконец вам выпадает удача: наперекор судьбе вы находите работу. Не то чтобы позволяющую жить, но выжить – да, хотя бы недолго. Это все, что вам требовалось, – один маленький шанс. Но тут оказывается, что первая зарплата выплачивается с задержкой в месяц – после того, как вы проработаете два месяца, и как назло именно в первый месяц вам совершенно необходимы эти деньги.

Вы идете в банк и умоляете дать вам кредит, чтобы дотянуть до первой зарплаты, но банк говорит, что так дело не пойдет, потому что работа у вас временная. Вас могут уволить в любой момент. Как

тогда они получают обратно свои деньги? Ведь у вас ничего нет за душой! Вы пытаетесь объяснить, что, если бы деньги у вас были, вам был бы не нужен кредит, но банк не видит в этом никакой логики.

И что же вы делаете? Продолжаете бороться. Надеетесь, что все получится. Вскоре приходит новое письмо от адвоката. Вы не знаете, что делать, не знаете, куда обратиться, вы просто не хотите скандала. Подбегаете по утрам к автобусу в надежде, что девочки ничего не замечают, но это не так. Вы видите по их глазам, что они готовы торговать на улице рождественскими газетами и журналами, чтобы добыть для вас денег. Вы отвозите их в школу, открываете калитку, садитесь на бордюр и плачете, думая: «Лучше бы они меня не любили».

Всю свою жизнь вы говорили себе, что сами со всем справитесь. Вы никогда не будете человеком с проблемами. Не будете просить о помощи. И вот наступает сочельник, вы в отчаянии, потому что девочки будут встречать Новый год у вас. За день до Нового года вы кладете последнее письмо от адвоката, в котором говорится, что у вас заберут детей, в карман, а там уже лежит письмо от арендодателя, который обещает вышвырнуть вас из квартиры, если вы сегодня же не заплатите. Этого достаточно, чтобы окончательно выбить вас из колеи. И вот вам в голову приходит по-настоящему плохая идея. Вы смотрите на игрушечный пистолет, который похож на настоящий. Берете черную шапку, проделываете в ней дырки и натягиваете на голову, идете в банк, который отказал вам в кредите, потому что у вас не было денег, и собираетесь попросить у них шесть тысяч пятьсот крон на оплату квартиры. Как только вы получите зарплату, вы вернетесь в банк и отдадите эти деньги. «И как же вы собираетесь это сделать?» – спросит вас законопослушный человек. Но... н-да... так далеко вы пока не загадывали. Возможно, вы снова натянете черную шапку, возьмете игрушечный пистолет и заставите их взять деньги обратно. Вам

нужно протянуть всего какой-то месяц. Один маленький шанс, чтобы решить все проблемы.

Но вот выясняется, что этот проклятый игрушечный пистолет, который выглядит как настоящий, и в самом деле настоящий. На лестнице у вас из кармана вылетает рисунок с лягушкой, мартышкой и лосем, а в квартире этажом выше ковер пропитался кровью.

Ваша жизнь могла бы сложиться иначе.

Глава 22

Это была не бомба.

Это была коробка с рождественскими гирляндами, которыми сосед украсил балкон к Рождеству. Вообще-то он хотел оставить их до Нового года, но поругался с женой, которая считала, что «в квартире и без того полно всяких лампочек, сам, что ли, не видишь? Почему мы не можем, как все нормальные люди, повесить обычные белые лампы? Неужели непременно все должно мигать и переливаться, как в борделе?» Тогда он пробормотал в ответ: «Ты бывала в борделях с гирляндами?» И тут она, удивленно вскинув брови, пожелала узнать: «А ты, значит, бывал в борделях и точно знаешь как...» Скандал закончился тем, что сосед попросту убрал проклятые гирлянды в коробку. Но на то, чтобы отнести коробку в подвал, его не хватило, и он поставил ее на лестнице у входа в квартиру. Потом они с женой уехали к ее родителям – встречать Новый год и продолжать разборки по поводу борделей. Коробка так и осталась стоять под дверью, – этажом ниже той квартиры, где произошел захват заложников. Когда в начале этой истории ничего не подозревавший почтальон поднимался по лестнице и вдруг увидел вооруженного грабителя, забежавшего в квартиру, выставленную для показа, то со всех ног поспешил вниз, по дороге споткнулся о коробку, провода гирлянд размотались по полу у него под ногами.

Это было не похоже на бомбу, ни в коем разе. Это было похоже на перевернутую коробку с рождественскими гирляндами. Из борделя. В защиту Джима скажем, что, возможно, это было нечто, напоминавшее бомбу, – особенно если ты всю жизнь слышал о бомбах, но никогда их не видел. И борделя тоже. Это как если ты очень боишься змей и, сидя в сортире, вдруг чувствуешь, как возле задницы пробегает легкий ветерок, – тут тебе сразу приходит в

голову мысль: «ЗМЕЯ!» Это, конечно, совсем не логично, но где это видано, чтобы фобии подчинялись логике, – тогда бы они не были фобиями. Джим гораздо больше боялся бомб, чем рождественских гирлянд, а в таком случае мозг и глаза расходятся в оценках, в том-то и дело.

Оба полицейских стояли возле подъезда. Джим гуглил, что делать при взятии заложников, а Джек звонил владельцу квартиры, где прежде находились заложники, чтобы узнать, сколько человек могло быть внутри. Владельцем квартиры оказалась молодая мать, живущая в другом городе. Квартиру она получила в наследство и давно там не была. За показами она не следила. «Всем занимается мой риелтор», – сказала она. Затем Джек позвонил в участок и поговорил с женщиной из кафе, женой почтальона – он был первым, кто сообщил о грабителе. К сожалению, Джек узнал лишь, что грабитель «был маленьким и в маске! Не то чтобы совсем маленьким – в пределах нормы! Да, скорее в пределах нормы! Хотя... что значит норма?». Исходя из этой скудной информации, Джек попытался выработать план, но не успел, потому что раздался звонок от начальника, а как только у Джека появился план, за дело взялись начальник начальника и начальник начальника начальника, и все начальство, как и следовало ожидать, сошлось на том, что лучше, не мешкая, позвонить в Стокгольм. Все, кроме Джека, который хотел хоть раз в жизни справиться сам. Он предложил начальству, что лучше они с Джимом поднимутся по лестнице и попытаются установить контакт с грабителем. Начальство хоть и было настроено скептически, но согласилось, потому что Джек внушал доверие всем полицейским. Но рядом стоял Джим, который слышал, как начальство орет в телефонную трубку, что они «должны быть предельно осторожны! Надо проверить, нет ли взрывчатых веществ или еще какой дряни на лестнице – вдруг это никакой не захват заложников, вдруг это теракт! Вы видели людей с подозрительными сумками? Или бородами?». Джек на этот счет

совершенно не беспокоился, он был слишком молод. В отличие от Джима, ведь у него был сын.

Лифт не работал, поэтому Джеку и Джиму пришлось подниматься по лестнице. По дороге вверх они звонили во все двери, чтобы проверить, не осталось ли кого в квартирах. Но дома никого не оказалось: за день до Нового года все, кто должен был быть на работе, работали, у остальных имелись занятия повеселее, а те, кто не относился ни к первым, ни ко вторым, услышали сирены, вышли на балкон, увидели внизу журналистов и полицейских и высыпали на улицу, чтобы узнать, в чем дело. (Впрочем, большинство из них больше боялось, что в доме змея, поскольку недавно в интернете прошел слух, что в соседнем городе в туалете многоквартирного дома обнаружили змею, – а теперь представьте уровень общего доверия к версии о захвате заложников.)

Когда Джек и Джим дошли до лестничной площадки, где валялась коробка с проводами от гирлянд, Джим в ужасе подскочил – и потянул спину (правду сказать, Джим недавно уже потянул ту же мышцу спины, когда внезапно чихнул, но все же). Он схватил Джека и прошипел: «БОМБА!»

Джек закатил глаза с таким видом, с каким это делают только непослушные сыновья, и сказал: «Это не бомба».

– Откуда ты знаешь? – спросил Джим.

– Бомбы выглядят по-другому, – ответил Джек.

– А вдруг тот, кто соорудил эту бомбу, и рассчитывал, что ты так подумаешь?

– Папа, перестань, это не...

Если бы это был просто коллега, Джим отпустил бы его. Наверное, недаром говорят, что отцам и сыновьям лучше не работать вместе.

Джим сказал:

– Нет. Я звоню стокгольмцам.

Джек так до конца ему это и не простил.

Начальники, начальники начальников и другое вышестоящее начальство тотчас распорядились, чтобы полицейские вернулись на улицу и ждали подкрепления. Не так-то просто было найти это подкрепление, даже будь дело в большом городе, потому что кто станет грабить банк под Новый год? И кто будет брать в заложники людей во время показа квартиры? «И какого черта устраивать показ квартиры под Новый год?» – спросил один из начальников, и разговор по рации продолжался в том же духе. Затем Джеку позвонил специальный переговорщик, стокгольмец, и сообщил, что принимает эстафету. Он уже сидит в машине и будет на месте через пару часов, и Джек должен зарубить себе на носу, что от него требуется только «держат ситуацию под контролем», пока переговорщик не приедет. Выговор у переговорщика был явно не стокгольмский, но какая разница? Спросите Джека и Джима, они вам скажут, что стокгольмец – это не география, а диагноз. «Не все идиоты – стокгольмцы, но все стокгольмцы – идиоты», – говорили в участке. Что, разумеется, было крайне несправедливо. Ведь идиот может и поумнеть, а перестать быть стокгольмцем – вот это нет.

После переговоров с переговорщиком Джек разозлился даже больше, чем после беседы с отделом обслуживания в интернет-доставке. Джим, в свою очередь, винил себя, что сын потерял шанс поймать грабителя самостоятельно. Все их дальнейшие решения в течение всего дня будут продиктованы этими чувствами.

– Прости, сынок, я не хотел... – проговорил Джим упавшим голосом, не зная, как закончить предложение. Он не мог признаться в том, что, будь на месте Джека какой угодно другой мальчик, он бы поверил, что это вовсе не бомба. Но как рисковать, если это твой сын? Рисковать невозможно.

– Давай не сейчас, папа! – с досадой ответил Джек, потому что снова говорил по телефону с начальником начальника.

– Ну что мне сделать? – спросил Джим, которому стало необходимо почувствовать собственную необходимость.

– Можешь начать с опроса соседей этажом выше, куда мы не дошли из-за тебя и твоей «бомбы», и убедиться, что из квартир действительно вышли все! – прошипел Джек.

Джим подавленно кивнул и стал гуглить телефонные номера соседей. Сначала он позвонил владельцу квартиры, рядом с которой нашли бомбу. Трубку взял мужчина, сказавший, что он с женой в отъезде. Было слышно, как женский голос спросил «кто это?», на что мужчина гаркнул, что звонят из борделя. Джим не очень понял, что это значит, он просто спросил, есть ли кто-нибудь в квартире. Мужчина ответил «нет», и Джим решил не беспокоить его разговором о бомбе, а тому, конечно, и в голову не пришло сказать: «да, кстати, та коробка на лестнице – это рождественские гирлянды», а ведь это придало бы истории совсем другой поворот, но мужчина только спросил: «Что-то еще?» – на что Джим ответил: «Нет-нет, что вы», поблагодарил и повесил трубку.

Затем он позвонил владельцам квартиры с самого верхнего этажа, расположенной на той же лестничной площадке, что и квартира, где были взяты заложники. Хозяевами оказалась молодая пара, обоим едва исполнилось двадцать, они как раз разводились и съехали из квартиры. «Значит, в квартире пусто?» – с облегчением спросил Джим. Да, пусто. В ходе бесед с Джимом каждый из разводящихся счел необходимым сообщить ему о причинах развода. Экс-муж не мог пережить, что у нее такие уродливые ботинки, а экс-жене не нравилось, что он пускает слюни, когда чистит зубы, к тому же вообще-то обоим хотелось иметь партнера повыше ростом. Один рассказал, что отношения были обречены, поскольку ей нравилась кинза; и тут Джим спросил: «А вам не нравится?» – на что получил ответ: «Нравится. Но не до такой же степени!!!» Экс-жена рассказала, что они, поймите правильно, невзлюбили друг друга из-за того, что никак не могли подобрать соковыжималку такого цвета, который бы отражал индивидуальность каждого из них и вместе с тем был бы созвучен им как паре. Вот тогда-то они и поняли, что больше ни минуты не могут жить вместе, и возненавидели друг

друга. Джим подумал, что у сегодняшней молодежи слишком большой выбор, в том-то вся и проблема; если бы все эти приложения для знакомств существовали во времена его молодости, жена Джима никогда бы его не встретила и не вышла бы за него замуж. Если выбирать все время, то никогда, черт побери, не сможешь выбрать, думал Джим. Живешь в постоянном стрессе: пока ты сидишь в туалете, твоя вторая половина листает Тиндер – свайп вправо, свайп влево, – и находит родственную душу. Того гляди, целое поколение заработает цистит – так и будет сидеть без штанов и ждать, пока что у партнера сядет батарейка в телефоне. Ничего этого Джим не сказал вслух, а только переспросил: «Так значит, в квартире... пусто?»

Оба подтвердили: да, пусто. Все, что там есть, – это соковыжималка неправильного цвета. После Нового года квартира будет выставлена на продажу через агентство недвижимости, название которого ни один из них не мог вспомнить: «Дурацкий нейминг, типа шутка юмора!» – сказал бывший муж. Бывшая жена подтвердила: «У того, кто так назвал агентство, с юмором даже хуже, чем у владельцев парикмахерских! Вы знаете парикмахерскую “Прическа, привет!”? Им в Книгу рекордов Гиннеса пора – за самое дебильное название!»

Джим положил трубку. Жаль, подумал он, что эта парочка разошлась, они друг друга стоят.

Он пошел к Джеку, собираясь пересказать разговор, но Джек шикнул:

– Не сейчас, папа! Ты с соседями поговорил?

Джим кивнул.

– Кто-то из них дома?

Джим покачал головой.

– Я только хотел сказать... – начал он, но Джек замахал руками и вернулся к беседе с начальником.

– Не сейчас, папа!

Джим замолчал.

Что было потом? Потом все пошло своим чередом. История с заложниками продолжалась на протяжении нескольких часов, но переговорщик застрял в пробке по причине самой серьезной аварии года («стокгольмцы ведь ездят на летней резине», констатировал Джим) и до места так и не добрался. Джиму и Джеку пришлось искать выход самим, что, по правде говоря, оказалось непросто: прошло изрядно времени, прежде чем им удалось установить контакт с грабителем (дело кончилось тем, что Джек заработал огромную шишку на лбу, но это уже другая история). Впрочем, под конец оба все-таки передали телефон в квартиру, где находились заложники (это еще одна история, причем очень долгая), но когда грабитель выпустил заложников и на тот телефон позвонил переговорщик, внутри раздался выстрел.

Несколько часов спустя Джек и Джим все еще сидели в участке и допрашивали свидетелей. Толку от этого не было, поскольку один из них явно лгал.

Глава 23

Правда в том, что грабитель очень старался ни в кого не целиться, никого не пугать. Но первой, на кого грабитель *по ошибке* навел пистолет, оказалась женщина по имени Зара. Она была лет пятидесяти-шестидесяти, хорошо одетая, как многие люди, обретшие экономическую независимость за счет людей экономически зависимых.

Самое удивительное, что, когда грабитель, споткнувшись о порог, ворвался в квартиру и, размахивая руками, навел пистолет на Зару, та совершенно не испугалась. Другая женщина, напротив, в панике закричала: «Караул, грабят!» Довольно странно, учитывая то обстоятельство, что грабитель на этот раз вовсе не планировал ограбления. Никому не понравится, когда о нем выносят безосновательные суждения, и, если у тебя в руках пистолет, ты вовсе не обязательно должен быть грабителем, а если ты даже им являешься, то вполне можешь грабить вовсе не людей, а, например, банки. Поэтому, когда женщина закричала своему мужу: «Рогер, доставай деньги!» – грабитель обиделся. И его вполне можно понять. Мужчина средних лет в клетчатой рубашке, который стоял у окна и был Рогером, с кислой физиономией ответил: «У нас нет наличных!»

Грабитель хотел было сказать, что деньги ему не нужны, как вдруг увидел свое отражение в балконном окне. Лицо в маске, в руке пистолет, кругом люди. Из них одна – очень старая женщина. Другая – беременная. Третья – на грани истерики. Все в страхе смотрели на пистолет, но самый беспредельный страх был в глазах, смотревших на грабителя из отражения в окне. И тогда грабителя осенило: «Заложники не они. А я».

Единственной, кто совсем не испугался, была Зара. И тут с улицы слышался вой сирен.

Глава 24

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Дата: 30 декабря

Имя свидетеля: Зара

Джим: Здравствуйте, меня зовут Джим!

Зара: Да-да-да, голубчик, можно побыстрее?

Джим: Я должен взять у вас показания. Расскажите своими словами, как было дело.

Зара: А чьими еще словами я могу рассказать?

Джим: Нет-нет, конечно. Это просто такое выражение, сами понимаете. Но сначала хочу поставить вас в известность о том, что все, сказанное вами, записывается на диктофон. При желании вы имеете право говорить в присутствии адвоката.

Зара: С чего вы взяли, что у меня есть такое желание?

Джим: Это просто так, для сведения. Мое начальство говорит, что его начальство говорит, что все должно быть как полагается. Вот придет специальный дознаватель, стокгольмец, и я передам ему это дело. Мой сын из-за этого очень зол, понимаете, он тоже полицейский. Поэтому я решил поступить как положено и сообщил вам, что у вас есть право говорить в присутствии адвоката.

Зара: Дорогой мой, я плачу своему адвокату, когда я угрожаю другим. А не когда угрожают мне.

Джим: Понимаю. Я не хотел вас обидеть, честное слово. Я понимаю, у вас был тяжелый день. Просто ответьте честно на все вопросы. Хотите кофе?

Зара: Вы так это называете? Я видела жидкость, которая вытекает из вашей кофемашины в коридоре, и не стану это пить, даже если мы с вами будем последними людьми на земле и вы пообещаете, что это чистый яд.

Джим: Теряюсь в догадках, кому из нас меньше повезло – мне или кофе.

Зара: Вы сказали, что я должна честно отвечать на все вопросы.

Джим: Да. Точно. Так я и сказал. Позвольте спросить, почему вы оказались в той квартире?

Зара: Идиотский вопрос. Это вы стояли на лестнице, когда нас выпустили из квартиры?

Джим: Да, я. Совершенно верно.

Зара: Значит, вы первым вошли туда, после того как нас выпустили? И при этом вы ухитрились упустить грабителя?

Джим: Вообще-то я был не первым, кто вошел в квартиру. Я дождался своего коллегу Джека. Вы наверняка встретили его здесь. Первым был он.

Зара: Все полицейские на одно лицо, вы никогда не замечали?

Джим: Джек – мой сын. Возможно, поэтому вам так показалось.

Зара: Джим и Джек?

Джим: Да, как «Джим Бим» и «Джек Дэниелс».

Зара: Можно смеяться?

Джим: Нет-нет. Моей жене тоже не казалось, что это смешно.

Зара: Вы женаты? Однако вы ловкий малый.

Джим: Да... или нет, но сейчас это неважно. Вы можете вкратце рассказать, зачем вы пришли на показ квартиры?

Зара: Показ квартиры – это словосочетание кажется вам загадочным?

Джим: Значит, вы пришли туда, чтобы посмотреть квартиру?

Зара: Интеллект у вас такой же острый, как пакет с мокрым попкорном.

Джим: Это значит «да»?

Зара: Это значит то, что значит.

Джим: Я имею в виду, было ли у вас намерение купить квартиру?

Зара: Вы риелтор или полицейский?

Джим: Я к тому, что вы производите впечатление очень обеспеченной женщины, для которой эта квартира вряд ли может

представлять интерес.

Зара: Мало ли кто что производит.

Джим: Да, а может, и нет, но я имею в виду, что мои коллеги могли бы так подумать. По крайней мере, один из них. Например, мой сын. Основываясь на некоторых показаниях. Вы похожи на состоятельного человека, вот я о чем. Эта квартира, на первый взгляд, не слишком для вас подходит.

Зара: Дорогой мой, проблема среднего класса в том, что вы думаете, будто для богатых есть слишком дешевые вещи. Что неправда. Это для бедных есть слишком дорогие.

Джим: Угу. Ага. Тогда идем дальше. Кстати, я правильно записал вашу фамилию?

Зара: Нет.

Джим: Нет?

Зара: Но тому есть вполне понятное объяснение.

Джим: Какое же?

Зара: Просто вы идиот.

Джим: Прошу прощения. Вы не могли бы продиктовать по буквам?

Зара: И-д-и-о-т.

Джим: Я имею в виду вашу фамилию.

Зара: Дорогой мой, если так будет продолжаться, мы с вами тут всю ночь просидим, а у некоторых, между прочим, есть социально значимая работа, поэтому давайте-ка подытожим: псих с пистолетом в руке полдня держал в заложниках меня и других менее состоятельных несчастных людей, а вы и ваши коллеги окружили здание, раздавали интервью телевидению и все же ухитрились упустить грабителя. Сейчас вы могли бы разыскивать вышеупомянутого грабителя, но вместо этого сидите и паритесь, потому что в жизни не встречали фамилии, где было бы больше трех согласных подряд. Ваше начальство не смогло бы быстрее пустить в распыл мои налоги, даже если бы я вручила им спички.

Джим: Я понимаю, вы сердитесь.

Зара: А вы сообразительный малый.

Джим: Я имею в виду, что вы в шоке. Никто, понятное дело, не ожидал, что окажется под прицелом пистолета на показе квартиры. В газетах сегодня, конечно, пишут о том, что рынок недвижимости стал слишком жестким, но все-таки не до такой степени, чтобы брать заложников, правда? То они пишут, что этот рынок стал «рынком покупателей», то – что «рынком продавцов», но в итоге-то это рынок чертовых банкиров. Правильно я говорю?

Зара: Это шутка?

Джим: Нет-нет, что вы, это светская беседа. Я к тому, что сейчас у нас такое общество, что если бы грабителю удалось ограбить банк, то ради него задействовали бы гораздо меньше полицейских ресурсов, чем при захвате заложников. Сами знаете, все ненавидят банки. Как говорится, иногда не знаешь, кто настоящие злодеи – грабители или директора банков.

Зара: Так правда говорят?

Джим: Вроде бы да. Разве нет? Я тут недавно в газете прочитал, сколько зарабатывают эти директора банков. Они себе такие виллы отгрохали, прямо дворцы, по пятьдесят миллионов, а мы едва сводим концы с концами, но давай плати им проценты.

Зара: Можно задать вам один вопрос?

Джим: Конечно.

Зара: Почему такие люди, как вы, всегда считают, что успешных людей надо наказывать за их успешность?

Джим: Что?

Зара: Вам в Высшей школе полиции внушают, что у полицейских такая же зарплата, как у банкиров? Или у вас проблемы с арифметикой?

Джим: Да. Нет. А может, и да. Вот.

Зара: Вы, похоже, считаете, что мир вам что-то должен?

Джим: Я понял, что забыл спросить, кем вы работаете.

Зара: Директором банка.

Глава 25

А правда состояла в том, что Зара, которой, вероятно, немного перевалило за пятьдесят, была из тех женщин, у которых не осмеливаются спросить о возрасте и которая никогда не интересовалась покупкой квартиры. Не потому, что у нее не было денег, нет, она, несомненно, могла приобрести эту квартиру на монетки, завалившиеся между диванными подушками у себя дома. (С недавнего времени Зара поняла, что монетки – это отвратительное прибежище микробов, прошедшее бог знает через сколько рук представителей среднего класса, и скорее сожгла бы свою диванную подушку, чем дотронулась до мелочи, но давайте скажем иначе: Зара определенно могла бы приобрести эту квартиру на средства, вырученные с продажи одной своей диванной подушки.) Она пришла на показ квартиры с наморщенным носом и с бриллиантовыми серьгами такого размера, которыми при необходимости могла бы убить средних размеров ребенка. Но даже они, если присмотреться внимательнее, не могли скрыть колыхавшегося внутри ее отчаянного горя.

Чтобы понять, в чем дело, надо начать с того, что недавно Зара пошла к психологу. А все потому, что работа у Зары такая, что если ею заниматься на протяжении долгих лет, то может понадобиться помощь профессионала – инструкции, что делать с собственной жизнью, помимо этой самой работы. Первая встреча с психологом прошла так себе. Зара начала с того, что подвинула фотографию на рабочем столе психолога и спросила:

- Это кто?
- Моя мама, – ответила психолог.
- У вас хорошие отношения?
- Она недавно умерла.
- У вас были хорошие отношения?

Психолог подумала, что нормальный человек выразил бы соболезнования, но сказала лишь:

– Мы здесь не для того, чтобы разговаривать обо мне.

На что Зара ответила:

– Если я отдаю в ремонт автомобиль, то сначала хочу узнать у механика, во сколько оценили бы его собственную машину на свалке.

Психолог вдохнула поглубже:

– Правильный подход. Что сказать, у нас с мамой были прекрасные отношения. Это вас устроит?

Зара скептически кивнула и задала следующий вопрос:

– Кто-то из ваших пациентов покончил с собой?

Психолог вздохнула так глубоко, что легкие чуть не лопнули, и ответила:

– Нет.

Зара пожала плечами и добавила:

– Насколько вы знаете.

Говорить такое психологу было довольно подло. Но та не растерялась:

– Я только-только закончила учебу. Пациентов у меня было немного. А почему вы задаете такие вопросы?

Зара остановила взгляд на одной из висевших на стене картин, что-то задумчиво прошептала и с неожиданной искренностью ответила:

– Я хочу знать, сможете ли вы мне помочь.

Психолог приготовилась записывать, улыбнулась дежурной улыбкой и спросила:

– Чем же я могу вам помочь?

Зара ответила, что у нее проблемы со сном. Врач выписывал ей снотворное, но в какой-то момент отказался это делать и посоветовал для начала обратиться к психологу.

– И вот я здесь. – Зара постучала по своим наручным часам, будто это ей платили за время, а не наоборот.

Психолог спросила:

– Как вы думаете, ваши проблемы со сном связаны с работой? В телефонном разговоре вы упомянули, что работаете директором банка. Возможно, такая работа связана с давлением и стрессом.

Зара ответила:

– Нет.

Вздыхнув, психолог спросила:

– Чего вы хотели бы достичь с помощью наших встреч?

Вместо ответа Зара задала встречный вопрос:

– А вы психотерапевт или психиатр?

Психолог поинтересовалась:

– А в чем, по-вашему, состоит разница между первыми и вторыми?

– Если человеку кажется, что он дельфин, ему нужен психолог. Если он убивает дельфинов, ему нужен психиатр, – ответила Зара.

Психологу стало не по себе. К следующей встрече она не стала надевать брошку с дельфином.

На следующей встрече Зара неожиданно спросила:

– Что такое паническая атака?

Психолог просияла так, как сияют только психологи, которым задали подобный вопрос:

– Однозначного ответа не существует. Но большинство экспертов считает, что, переживая паническую атаку, человек...

Зара перебила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

ТРЕВОЖНЫЕ
ЛЮДИ

